

Юлия Федотова

Последнее поколение

Юлия Федотова

Последнее поколение

«Автор»

Федотова Ю.

Последнее поколение / Ю. Федотова — «Автор»,

Гибнет в чёрной топи изуродованная войной планета. Полное, скорое и неминуемое вырождение ждёт её несчастных обитателей. И последняя их надежда, единственный шанс на спасение – это помощь извне. Но как быть с главным принципом автономных наблюдателей, подразумевающим полное невмешательство в ход чужой истории? Как должен поступить человек, для которого чужой мир успел стать родным? Остаться равнодушным пришельцем, следуя букве инструкции? Или наплевать на все правила и предписания, пренебречь интересами далёкой Земли ради того, что ему дорого по-настоящему?

© Федотова Ю.

© Автор

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юлия Федотова

Последнее поколение

Часть 1

Не люди

...Где-то в старой столице было правительство. И даже президент, вроде бы, был – забавный пережиток мирного времени. Они ничего не значили теперь. Страной управлял Генеральный штаб. А Генеральным штабом – контрразведка. Сила страшная и вездесущая. И все знали, что она есть, что каждый однажды с ней столкнётся – но выживет не каждый...

Она не была тайной – её знали в лицо. Её встречали везде, куда ни придёшь. В кабинете чиновника, в зале общественной столовой, в санчасти, в заражном бараке, в пункте раздачи продовольствия, в школьном классе, в бомбоубежище, в любом жилом доме на самом видном месте обязательно висели девять портретов. Без подписей – имена надо было знать наизусть.

Совет цергардов Федерации. Верховная власть военного времени. Друг на друга похожие, мужественные квадратные лица в обрамлении коротко стриженных иссиня-чёрных волос. Волевые подбородки, суровый, непреклонный взгляд из-под густых, сведённых к переносице бровей – куда ни стань, он везде тебя настигнет, даже жутко. Вездесущие, всеисильные и страшные, эти люди казались богами. Их полагалось бояться, и любить, и верить.

И когда однажды седьмой справа портрет оказался заклеенным крест-накрест по диагонали траурными серыми полосками – страна была в ужасе. Такого случиться не могло! Бессмертные не умирают!

А потом на месте седьмого слева портрета появилось новое лицо – совсем другое. Оно было молодым и странным. Светлая чёлка падала на бледный лоб. Серые глаза смотрели грустно и устало. Оно казалось таким неуместным в этом гордом ряду. Но кто решился бы... нет, не сказать вслух – громко *подумать* об этом? Его старались не замечать, его избегали – поначалу. Потом, конечно, привыкли. Но любить не любили, и не верили – чужой.

Только в промышленных школах и санитарных училищах бледные, изможденные девочки со светлыми косичками и прозрачными лицами втайне писали записки, а потом долго подпрыгивали, стараясь забросить их за портрет так, чтобы не выпали назад – примета такая была: не вывалится, значит сбудется желание: «Цергард Эйнер, пожалуйста, пусть меня не спросят по истории. Ученица Эльма Стре-ат». Или просто, без подписи: «Люблю».

Только слабые, болезненные мальчики, вечно отстающие, вечно последние в строю, проходя маршем мимо седьмого портрета, сжимали кулаки, смотрели в усталые серые глаза и шептали беззвучно, одними губами: «Клянусь!» Но если бы кто-то из людей узнал об этом и спросил, о чём эта клятва – не смогли бы ответить, даже если бы не боялись.

И с каждым годом их становилось всё больше – этих мальчиков и девочек. А крепких и сильных, черноволосых ребят рождалось всё меньше. Время людей проходило. Наступало время *детей болот*.

* * *

... Могу я хотя бы узнать, в чём именно меня обвиняют? – раздражённо и нагло спросил арестованный. – Я лояльный гражданин, с положением, а меня схватили, как дезертира или мародёра, приволокли, ничего не объясняют...

Вместо ответа допрашивающий – лица его арестованный не видел, лицо оставалось в тени – извлёк из ящика стола массивную бутылку дутого синего стекла, теперь таких не делают, довоенное производство. Втащил пробку, не зубами по-солдатски, а красивым штопором, как в довоенные времена. Наполнил стакан светлой жидкостью, протянул арестованному. Рука его, вынырнувшая на миг из темноты, выглядела странно – бледная, изящная, с тонкими пальцами. У людей не бывает таких рук.

– Пейте! – это звучало как приказ.

По тёмному кабинету быстро распространялся характерный резкий запах дорогой квартиры, пятьдесят дореформенных скалей за меру, такую не добудешь и на чёрном рынке. Но арестованный не прельстился шикарным напитком, отодвинул стакан.

– Спасибо, не пью.

– И всё же выпейте, уж будьте так любезны! – теперь это звучало как издёвка. Манеры контрразведчика были наиграно вежливы, он был отвратителен.

– Нет. Я не пью спиртного.

– Почему? – в голосе появилось непонятное напряжение.

– Какая вам разница? Это что, преступление? – разозлился арестованный. Или *сделал вид*, что злится?

– Хорошо, не пейте, ваше право. Просто подержите во рту и выплюньте. Можете прямо на пол.

– Что за чушь?! Это что – новый метод работы контрразведки?

– Считайте, что так. Держите стакан.

– Нет.

Они долго смотрели друг на друга. Один видел ярко освещенное прямым светом лампы лицо – мужественное, черноволосое, с волевым подбородком. Другой видел темноту. Потом контрразведчик заговорил.

– Представьте себе, что я вызвал конвой, и они силой влили вам кватту. Что будет?

– Скончаюсь на месте, – был ответ.

– Что, тоже аллергия на цианиды? – усмехнулся допрашивающий. – Однако, многовато вас развелось, аллергиков! Куда смотрит здравоохранение? – он нажал под столом невидимую кнопку, издав донёсся звон, потом тяжёлые шаги. Конвой вошел в кабинет.

– Уведите, – велел допрашивающий.

Он проводил арестованного взглядом, механическим движением спрятал бутылку. Потом заполз вглубь огромного черного кресла, устроился в нём, обхватив руками согнутые колени.

Ему было страшно.

За свою, пока ещё не слишком долгую жизнь он успел повидать разных людей – шпионов, убийц, заговорщиков, ядерных психопатов-бронзоггов, генетических уродов всех мастей. Он и сам был мутантом, «дети болот» – назывались такие, как он. Но тот, кто сидел пред ним минуту назад, был ещё хуже. Он **ВООБЩЕ НЕ БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ**. И не он один...

* * *

Топот сапог раздался на лестнице. Доктор Гвейран – так он здесь назывался – знал: это за ним. Он ждал этого давно, он остался последним из группы, остальных уже взяли. Напрасно суетились, метались в панике соседи, натягивали одежду, хватали свои узлы – сквозь тонкие перегородки и перекрытия он отчётливо слышал их беготню. Контрразведка не устраивала обысков, людей уводили, кто в чем есть, не дав времени даже одеться. Вот почему в каждом доме, у каждого жильца был заранее приготовлен специальный узел, на случай ареста. Держали его обычно у входных дверей, чтобы был под рукой. Его прихватить разрешалось – если успеешь. Имелся такой узел и у Гвейрана, стоял в шкафу. Он небрежно сунул его под мышку, наки-

нул лёгкое клетчатое пальто и вышел на стук. Вдох облегчения прокатился по дому. Гвейран знал, как это бывает, когда приходят не за тобой. Но сегодня ему предстояло узнать другое.

«Утратив свои прямые функции, контрразведка постепенно трансформировалась из чисто военной структуры в структуру властную, осуществляющую прямое руководство страной и армией, активно преследующую инакомыслие...» – так, кажется, писалось в отчётах?

Вот в чём была их ошибка. Контрразведка ничего не утратила. Контрразведка работала, всесильная, страшная и беспощадная. Что ж, познакомимся с её работой поближе. Двум смертям, как говорится, не бывать...

В квартиру вошли всего трое – два здоровяка из полицейской гвардии и мальчишка, с виду, едва достигший совершеннолетия, но уже в чёрной форме, со значком младшего агарда: серебряная ветка с одним листом. Типичное «дитя болот» – худенькие плечики, тонкая шейка, по цыплячьи торчащая из широкого воротника, большие глаза на птичьем личике, скошенный подбородок, светлый пучок волосёнок. Рядом с гвардейцами он казался особенно жалким.

– Доктор Гвейран Лер-ат? – мальчишка пыжился, стараясь придать своему ломкому юношескому тенорку командную интонацию. – Вы задержаны. Пройдёмте.

– На каком основании? – Гвейрану показалось полезным изобразить возмущение. – В чём меня обвиняют?!

– Вам объяснят позже. Следуйте за нами. И наденьте, вот... – он протянул наручники.

Это был хороший признак. Если в задержанном подозревали шпиона, с ним не разговаривали вовсе, хватали и вязали сразу. Если обходились вот так небрежно, значит, брали по другим соображениям, и сами сознавали что берут невиновного. И сопротивления не ждали – кто посмеет? Невиновные верят, что случилась ошибка, что «там разберутся». Им положено доказывать свою чистоту и лояльность, а не сопротивляться, «усугубляя положение». А если поступить наоборот? Эксперимента ради? Конец-то один...

С силой, достойной лучшего применения, он саданул агарда кулаком в лицо. Пролетев несколько шагов, тот врезался спиной в стену, жалобно пискнул и сполз на пол. Из-под пальцев, прижатых к лицу, потекло красное. Гвардейцы вскинули автоматы. Но стрелять не стали: арестованных надо доставлять живьём. Кому нужен мёртвый арестованный, что с него возьмёшь? Гвейран злорадно усмехался про себя, когда в комнату вошёл четвёртый.

Такого Гвейран не ждал. Такого не ждал никто. Гвардейцы, не опуская оружия, вытянулись в струнку, вытаращили по-рыбьи глаза. Агард у стены издал какой-то придушенный всхлип и попытался вскочить, но ему не удалось, снова сполз вниз.

– Ну и что тут творится? – устало спросил вошедший, ни к кому конкретно не обращаясь. – Что за безобразие?

Ему не ответили – не смогли, голос перехватило. На него смотрели со священным ужасом во взорах. Не верили собственным глазам. Такого не бывает. Реки не текут вспять, топь не превращается в твердь, Верховные цергарды не ходят на ночные аресты. Однако, это был он. Человек с седьмого портрета. И имя ему – Эйнер Рег-ат.

То, что не мог скрыть портрет, наяву было ещё очевиднее. Он тоже был мутантом – тонким, бледным, светловолосым. Но, в отличие от мальчишки на полу, вовсе не казался жалким. Лицо его не носило обычных для «детей болот» следов вырождения, напротив, оно было исключительно, *аристократически* красиво – нежный овал, идеальный профиль, огромные серые глаза... Если б не цвет волос – им бы восхищались... Стройная фигура с довольно широкими плечами свидетельствовала о редкой для мутанта физической форме. Держался он с непринуждённостью человека, привыкшего к тому, что приказы его выполняются безоговорочно, а действия не подлежат обсуждению.

Несколько секунд он стоял, словно решая, что именно из происходящего заслуживает его особого внимания, затем подошёл к агарду, присел и вытер ему лицо ослепительно белым носовым платком.

– Вставайте, – голос его был мягок, но настойчив. – Пойдите в ванную и приведите себя в порядок? Или вам плохо? Позвать санитара?

– Господин Верховный цергард! – не слыша его слов, умирающе лепетал мальчишка, – Я не... Он бросился... Я не думал... Простите...

– Я вас ни в чём не виню. Успокойтесь и вымойтесь... Ну, что вы стоите столбом? – он обернулся к одному из гвардейцев. – Приведите, наконец, санитара!

Гвардеец, нечленораздельно взмыкнув, исчез.

– А вы! – он обратился к Гвейрану. – Что, справились? Нашли себе достойного противника? Ну неужели вам не стыдно?

Постановка вопроса была столь неожиданной, что Гвейран почувствовал ясно: да, стыдно. Не должен он был так поступать, не имел права. Хорошо, нечего сказать! Нашёл, на ком срывать злость за безобразия, творящиеся в этом мире!

А цергард продолжал:

– Ведь вы цивилизованный че... существо. Неужели вам *позволено* вести себя подобным образом? Что за дикость? Право, я был лучшего мнения о... – он почему-то не договорил.

Не позволено, признал про себя Гвейран... и вдруг похолодел. До него дошёл смысл сказанного. Цивилизованное существо! *Существо!* Не человек! Неужели?!

НЕУЖЕЛИ ПРОВАЛ ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ОНИ ОЖИДАЛИ?! Но как?! Как такое могло случиться?

Однако, времени на размышление ему не дали. Избитый мальчишка поднялся с пола сам, не дождавшись санитара.

– Вам лучше? – обрадовался цергард. – Вы мне поможете? – и кивнул гвардейцам, – Выводите!

– Пшёл! – последовал приказ, подкреплённый весьма ощутимым ударом приклада под рёбра.

Озадаченный Гвейран решил никаких действий больше не предпринимать, покорно позволил отконвоировать себя вниз. И там, у входной двери, его продержали целых полчаса, поставив на колени, носом в стену. Контрразведчики задержались в квартире, похоже, проводили обыск. Зря. Он ничего не мог им дать. Уж об этом Гвейран позаботился особо.

Транспорт ждал у подъезда – обыкновенный серый автозак, на окнах вместо стёкол мелкая железная решётка. Знающие люди рассказывали, зимой в кузове холодища смертная, если далеко везут – недолго и замёрзнуть. Бывали, говорят, случаи... «Надо сразу достать вторые штаны» – подумал Гвейран.

Но штаны не понадобились.

Шикарный до невозможности правительственный «велардер» с глянцевыми боками, широкими колёсами и затенёнными бронированными стёклами стоял у обочины чуть поодаль. Рядом – охрана, вооружённая трофейными квандорскими карабинами самой последней модели, простые люди с такими не ходят...

Конвоиры подтолкнули, было арестованного к автозаку, но цергард, недовольно поморщившись, кивнул на «велардер»: туда. Гвардейцы переглянулись в смущении. Происходящее не укладывалось у них в головы. Они знали: никому из них никогда в жизни не будет позволено даже приблизиться к такой машине ближе, чем три шага. За что же их подконвойному выпала такая немыслимая честь? «Где в этом мире справедливость?!» – читалось в их черных, вытаращенных от удивления глазах. Но что они могли поделать? Не станешь ведь пререкаться с Верховным цергардом?

Вот так и вышло, что вместо промёрзшего автозака, Гвейран водворился на заднем сидении правительственного авто, бок о бок с самим Верховным! Впереди, справа от водителя, усадили молодого агарда. С ним вышла заминка – пяtilся от дверцы, как чёрт от ладана, мотал

разбитой головой. Цергарду даже пришлось чуть повысить голос. «Вы же не считаете, что я лично, в одиночку должен конвоировать вашего арестованного?» Этого агард не считал. Вялое сопротивление было сломлено, трясущимися руками юноша открыл дверцу и примостился на краешке сидения в неудобной, напряжённой позе, словно боялся осквернить дорогую бархатную обивку своим неблагородным задом. Цергард на это только головой покачал, но ничего не сказал, небрежно махнул водителю изящной бледной рукой с тонкими пальцами: – «Трогай!»

Они двинулись вперёд целой колонной: впереди шестиколесный «кварг» с охраной, следом – «велардер», за ним ещё два «кварга» гвардейцев. Облезлый, неуклюжий автозак замыкал процессию, но очень скоро отстал, затерялся где-то за поворотами, его никто не стал ждать.

Ночные улицы были черны и пустынные: комендантский час ввели снова, ещё летом, режим затемнения не отменяли ни разу за последние пять лет. От водителей требовалось особое мастерство, чтобы в темноте, с выключенными фарами, лавировать между каменными завалами, местами перегораживающими проезжую часть чуть не на половину её ширины. Последняя бомбёжка случилась ещё по осени, а служба тыла до сих пор не удосужились их разобрать. Верховный цергард хотел рассердиться, но подумал, и не стал. «Провинция, что с них взять. Живут, как могут...»

Путь предстоял далёкий, это Гвейран понял очень скоро. Миновав площадь Невинных жертв, процессия свернула не вправо, на Агрегатную, где располагалось местное отделение контрразведки, а влево – к эстакаде. За эстакадой начиналась седьмая трасса, ведущая к новой столице.

Ехали медленно. Унылые окраинные кварталы тянулись за окном. Здесь было не просто темно и безлюдно – здесь было мёртво. Пустые дома глядели на мир прорезами окон, выбитых взрывной волной. Руин было меньше, чем в городе, и дорога оставалась чистой. Но тут и там в тесных рядах строений зияли бреши, аккуратные округлые пустыри с чуть вогнутым рельефом, напоминающие лунки от вырванных зубов. Когда-то на их месте тоже стояли дома, большие и красивые, облицованные весёлой цветной мозаикой. Благополучные, здоровые, черноволосые люди жили в них...

Всё поглотила топь – и сами дома, и обитателей их, тех, первых, что не знали о беде, не успели спастись... Больше на северных окраинах никто не жил, даже бесприютные беженцы не рисковали ночевать в заброшенных зданиях, таких крепких и надёжных с виду... С каждым годом Большая Топь продвигалась к югу, отгрызала от города всё новые и новые куски. Все знали – настанет день, и она захватит его целиком, и пойдут они по миру бесприютными беженцами – те, кто успеет спастись... Так было со Смиром, Гуарком и Таарой... Так будет и с Крумом, и со всей их злополучной страной... Если и выстоит, выживет какой из городов, так только столичный Арингор, удачно расположенный на надёжном, неподтопляемом скальном массиве... При условии, что его, счастливец, раньше не разбомбят.

...Беда случилась давно, на третий год войны. Первыми Бомбу сбросили квандорцы, по крайней мере, так утверждала официальная пропаганда (интересно, что официальная пропаганда Квандора утверждала обратное: якобы, не они были первыми, а коварный Арингорад, или, может быть, Набар – без разницы.) Потом было сброшено ещё пять больших бомб, и три малые – обменялись, так сказать. И случилось то, что должно было случиться – об этом знали все, и все боялись. Но надеялись, вдруг обойдётся? Надежды не сбылись. Рухнула хрупкая экосистема планеты. Растаяла мерзлота, пришла Великая Топь. Болота – бесконечные, бездонные, расплзлись по континенту пятнами чёрного лишая, поглощая всё на своём пути. Был голод и мор, и мёртвых больше не хоронили в усыпальницах из голубого камня – где его разом столько добудешь? Мёртвых свозили прицепами, сбрасывали в топь – она всех примет...

Пять лет мир умирал. Но человек ко всему привыкает, и жизнь кое-как наладилась, и снова стало казаться – надежда ещё есть, всё как-нибудь образуется. Ведь южнее, к самому полюсу, лежат области, не тронутые мерзлотой – каменные равнины Набара и империи

Сфу... Так началась новая война – все против всех. Война за сушу... Выросло целое поколение, для которого слово «мир» было пустой абстракцией. Они его даже не хотели, потому что не понимали толком, как это можно жить без войны. Война вошла в быт, стала образом жизни. Она разлучала, убивала, морила голодом, но она же кормила, приносила славу, давала работу, и, самое главное – надежду. И никто, никто на всей планете, и даже за её пределами, ещё не знал, то на самом деле НИКАКОЙ НАДЕЖДЫ НЕТ...

Седьмая трасса, соединяющая промышленный Крум с военной столицей считалась одной из самых надёжных и безопасных во всей Федерации. Тридцать акнаров пути (на хорошей скорости такое расстояние можно перекрыть за пять-шесть часов), из них только половина через топь, по армированным насыпям и мощным понтонам, способным выдержать целую гружённую автоколонну, а дальше до самого Арингора тянутся выходы скальных пород, бывшие когда-то Симиарским кряжем. До войны седьмая трасса шла вдоль его подножия. Когда местность заболотилась, цепь холмов сровняли, получилась отличная дорога – никакая топь ей не страшна.

Но до этого благословенного участка им ещё только предстояло добраться, а пока от города их отделяло лишь полтора часа пути по равнине, местами совсем чёрной, как выжженной, местами чуть припорошенной тонким снежком. Небо над равниной было серым, гораздо светлее, чем в городе.

В «велардере» было тепло, комфортно и тихо. Пожилой водитель молча сжимал руль, напряжённо вглядывался в разбитую, прорезанную глубокими колеями дорогу. Цергард дремал, утомлённо откинувшись на высокую спинку кресла, для него этот переезд был уже вторым за минувшие сутки. На переднем сидении по-детски посвистывал носом агард. Гвейрану тоже хотелось спать, но никак не засыпалось. И не в нервах дело было – вовсе он не нервничал, напротив, оставался совершенно спокоен. Просто надо было обдумать ситуацию: не каждый день тебя арестовывают Верховные цергарды лично. Что-то это должно было значить. Вернее, не что-то, а только одно...

Следовало бы продумать тактику дальнейшего поведения, но в голову, по ночному времени, ничего умного не шло. Ну и ладно. Утро вечера мудренее, война план покажет – что ещё говорят в подобных случаях? Стало скучно. Унылый, однообразный до предела пейзаж за окном никаких впечатлений не сулил. А завтра ему могли понадобиться силы... Гвейран закрыл глаза принялся считать овец. Вскоре после пятого блокпоста он заснул.

Разбудил его взрыв и пулеметные очереди. Кто-то невидимый вёл по ним из темноты шквальный огонь. «Велардер» швыряло из стороны в сторону. По бронированным стёклам стала разползаться сеть трещин.

– Проклятье! Этого нам не хватало! – с досадой воскликнул цергард, протирая глаза. – Неужели квандорский десант?! А, чтоб их разорвало!

Словно в ответ на его слова раздался новый мощный взрыв. Но разорвало не мнимых диверсантов, а их собственную передовую машину сопровождения, видно пуля пробила бензобак. Такое с дешёвыми «кваргами» часто случалось, они не были приспособлены к серьёзным боевым действиям. Счастье ещё, что взрывом его сбросило с насыпи, дорога осталась свободной.

Водитель судорожно жал на газ, «велардер» летел вперёд с бешеной скоростью. Позади грохотало – это рвались фугасы. Подавив недостойное желание упасть на пол и закрыть голову руками, Гвейран обернулся, выглянул в заднее окно – и ничего хорошего не увидел. Машин с охраной и гвардейцами на дороге больше не было, в отдалении полыхало зарево двух факелов. Они остались одни, без всякой защиты, и вдогонку им, прорезая темноту огненными пунтирами, летели пули. С жалобным звоном осыпались бронированные стёкла. Не выдержали десятков прямых попаданий.

– Ты что, дурной?! – крикнул Гвейрану цергард, дёрнул его с сидения. – Пригнись, пока череп не снесло!

– Ой, чёрт! – не выдержал, взвизгнул мальчишка.

– Проскочим, не бойсь, – подбодрил его водитель, ещё прибавил газу, но вдруг дёрнулся и ткнулся лбом в стекло, сполз набок.

«Велардер» повело в сторону, и не успей цергард, перегнувшись через спинку водительского кресла, вцепиться в руль, кое-как выровнять машину – тут бы им и конец пришёл, непременно слетели бы с насыпи!

– Открывай дверцу, живей! – приказал он агарду. – Долго я не удержу!

Тот принялся остервенело дёргать ручку возле себя, дверца не поддавалась – заклинило.

– Да не эту!!! – завопил цергард. – Левую!!! Да скорее же!!! – прямо над его ухом просвистела пуля.

Юноша, наконец, сообразил, что от него требуется, подполз под руками цергарда, и, сдвинув тело водителя, распахнул нужную дверцу.

– Выбрасывай! – последовал приказ.

– О господи! А вдруг он живой?!! – первый раз в своей жизни молодой агард решился оспорить приказ. Ему до сих пор везло, он видел мало смертей, и не умел так быстро, на взгляд, отличить живого от мертвого.

Цергард был опытнее.

– Какое там «живой»? Выталкивай, не то и мы такими будем!

Юноша подчинился, стал суетливо пихать убитого в бок, но сил не хватало сдвинуть его с места.

– Не так!!! Ты мне вести мешаешь! Ногами надо! Упрись спиной и толкай!

Последовав мудрому совету командира, агард, наконец, справился с задачей. Тело медленно вывалилось из машины на дорогу.

– Прекрасно! Садись на его место! Руль держи! И пригнись, не маячь! Вот так!.. А ты сиди, не высывайся! – Гвейрана с немутантской силой стащили на пол.

Агард гнал машину, подвывая от ужаса. Выстрелы не стихали. Следом, нагло сияя фарами, неслось, ревело что-то тяжёлое и быстрое – того гляди, настигнет. Цергард снова перевесился через кресло, дёрнул рычаг на панели. Из-за спинки заднего сидения вынырнул трёхствольный бронебойный пулемёт.

О! – обрадовался цергард вслух. – Работает! А я сомневался! – он выпустил длинную очередь по преследователям.

...Враг начинал отставать. Если раньше пули летели со всех сторон, теперь только сзади. Цергард весело, азартно отстреливался, и Гвейрану даже завидно стало, тоже захотелось пострелять. Они ушли бы, но тут агард резко сбросил скорость.

– Ты что?!

– Воронки! – взвизгнул тот. – Понтон пробит!!! Не проедем!

– Проедем! Давай вбок, объезжай болотом!

– Завязнем!!! – в голосе мальчишки звучал суеверный ужас.

– Не завязнем! Оно подмёрзло! Гони!!!

Издав вопль отчаяния, агард крутанул руль влево, прибавил скорости. Как раз вовремя – враг был уже совсем рядом. Грузовой «скваран» с открытым кузовом тяжело сполз с насыпи следом за ними. Из кузова палили непрерывно, но как-то хаотично, не прицельно: одни по противнику, другие просто в белый свет.

Цергард дал по кузову очередь, но вдруг бросил пулемёт и потянул Гвейрана из-под сиденья.

– Руки! Давай скорее!.. Держи!

Машину мотало и трясло. С трудом попав ключом в скважину замка, он снял с арестованного наручники, зачем-то сунул ему в руки собственный офицерский пистолет и снова спихнул его вниз.

– Зачем?! – не понял Гвейран. Конечно, он был совсем не прочь освободиться от оков. Но тратить на это время в разгар боя! Неоправданный риск! Можно было и подождать до лучших времён.

– Это не десант! Это бронзоги!

Гвейран похолодел. Ядерные психопаты! Ничего худшего случиться не могло!

«Ядерные» – это был не психиатрический термин, а народное прозвище. Оно отражало суть явления. Бронзоги появились вскоре после первой бомбёжки. Вернее, были-то они всегда, жили себе промеж людей тихо-мирно, маленькими кочевыми колониями, перебивались случайными заработками, попрошайничали, не брезговали и мелким воровством. Учёные расходились во мнении по их поводу. Одни считали их низшей человеческой расой, другие выделяли в самостоятельный биологический вид. Пожалуй, правы были вторые. Война показала: природа бронзогов существенно отличается от человеческой. Люди от жёсткой радиации умирали, либо рождали уродов. На бронзогов облучение действовало иначе: оставаясь здоровыми физически, они сходили с ума. Подобно наркоманам, делались агрессивными до невменяемости, но каким-то образом сохраняли при этом внутренние социальные связи. В недавних же «старших братьях» своих они видели теперь злейшего врага. И промысел себе нашли новый – охоту на людей. Человечина – отличная еда в голодные годы! И не только еда. Про бронзогов ещё много чего рассказывали, не те, кому посчастливилось спастись, таковых просто не было, а те, кто находил изуверченные, но не съеденные трупы.

Самым страшным для человека было попасть в руки ядерных психопатов живым. И цергард позаботился, как мог, чтобы с арестованным такой беды не произошло.

Полоса воронок кончилась, можно было возвращаться на дорогу. «Нет! – крикнул цергард, отстреливаясь, – надо оставаться внизу. Вдруг повезёт?!»... Только когда тяжёлый грузовик с преследователями, только что мчавшийся на всех парах, вдруг грузно, в одно мгновение, осел, замер на месте, увязая всё глубже и глубже, Гвейран и юный агард поняли, что он имел в виду.

...Последние выстрелы смолкли вдали. Агард позволил себе чуть расслабиться, самую малость снизить скорость – начальство не возражало. Гвейран влез из-под сидения, вернулся в кресло. Плюхнулся с размаху, под шеей почувствовал что-то твёрдое. Поковырял пальцами – вытащил осколок металла, пробивший спинку сзади, почти насквозь.

– От фугаса! – прокомментировал цергард, оставив бесплодные попытки убрать на место пулемёт: штатив заклинило намертво, стволы угрожающе торчали из прорехи окна. – Как по городу поедem – не представляю! Дурацкая какая-то техника! – и попросил Гвейрана. – Подвиньтесь пожалуйста. А то мне теперь и приткнуться негде.

«Приткнуться» ему мешала пулемётная станина, занявшая большую часть сидения. Гвейран потеснился слегка, на каждом из широких сидений «велардера» не то, что вдвоём – втроём можно было легко разместиться.

– А где ваши наручники? – спросил цергард рассеянно.

Наручники где-то затерялись. Гвейран честно пытался их найти, шарил под сидениями, и на сидениях – тщетно.

– Ну и чёрт с ними, – решил Верховный легкомысленно. – И так сойдёт. Вы же никуда не побежите?

– Не побегу, – согласился арестант. А куда ему, собственно, было бежать без документов и оружия? В топь? Бронзогам в лапы? Хотя, почему «без оружия»? Тяжёлый металл офицерского «симура» оттягивал карман. Только какой прок в девяти пулях? – Вот, возьмите, – он подал пистолет хозяину.

Тот протянул руку, но вдруг тихо охнул. Потом потрогал правое плечо, удивлённо, даже с некоторой брезгливостью посмотрел на левую ладонь, перепачканную тёмным и мокрым.

– Тьфу-у, дрянь какая! А сначала совсем не чувствовалось! Даже не заметил!

Агард резко обернулся и тихо взвизгнул.

– Ой! Кровь! – птичье личико его сморщилось, губы задрожали, глаз наполнились слезами сочувствия – странная реакция для человека военного поколения, – Больно, да?!

– Не очень, – раненый небрежно махнул здоровой рукой. – Не отвлекайтесь, следите за дорогой.

– Как же?! Перевязать надо! Течёт! – не успокаивался юноша.

– Да ладно, само остановится.

Гвейран взглянул на рану.

– Не говорите глупости, – резко бросил он. – Такое кровотечение само не остановится. У вас есть нож? Надо разрезать рукав... Где тут у вас перевязочные пакеты? Да не вертитесь вы, бога ради, я сам возьму!

Рана оказалась неопасной, пуля прошла навывлет, не задев кость. В военное время такие лечат амбулаторно, и если врач попадётся вредный, можно даже освобождение от работы не получить. Если бы только пострадавший обнаружил её раньше, и не потерял столько крови. Рукав чёрной суконной куртки был мокрым насквозь и уже начал застывать на морозе. В салоне больше не было тепло и уютно, ледяной ветер дул в разбитые окна, свистел в ушах.

– Так и замёрзнуть недолго, – пожаловался цергард, его трясло – зуб на зуб не попадал – и нестерпимо клонило в сон.

– Я сейчас! – засуетился мальчишка. – Моя шинель...

– Этого не хватало! – рассердился Верховный. – Чтобы вы заснули за рулём?

– Нет, я не засну! Вы не сморите, я крепкий! – он продолжал трепыхаться, одной рукой удерживая руль, кое-как высвобождая из рукава другую.

– Ели вы снимете шинель, я выкину её в окно, – ровным голосом обещал цергард, и подчинённый притих. Понял: не шутит, выкинет. Брезгует, наверное. Ну, конечно! Разве так можно – Верховный цергард в шинельке с плеча нижнего чина! Зачем полез, не подумав, дурак?! Что теперь о нём скажут? Бедный юноша совсем расстроился и сник.

Но он ошибался. Не брезговал Верховный, случилось ему не то, что с чужого плеча – с трупа одеваться. Просто он слишком хорошо представлял, какие испытания хрупкий организм «ребёнка болот» может вынести, какие – нет. Три часа на морозе и ветру, без верхней одежды убьют юного агарда непременно, и смерть его ляжет ещё одним камнем на душу, рядом со многими другими... Вот о чём думал цергард Эйнер.

А Гвейран с грустью вспоминал о своём узле с тёплыми вещами, что так и остался валяться на льду у подъезда. Вот бы сейчас пригодился!

... «Велардер» мчался по дороге, не останавливаясь на блокпостах. Тому, кто может позволить себе ТАКУЮ машину нет нужды предъявлять документы и пропуска простым постовым. Она сама – пропуск и документ. Даже если глянцевые бока испещрены вмятинами, стёкол нет вовсе, а из заднего окна зловеще торчат пулемётные стволы.

Младший агард Тапри роптал. В самом страшном сне он не мог представить себе, что настанет в его жизни момент, когда он осмелится перечить самому цергарду Эйнеру. Однако, случилось. Каждый раз, подъезжая к блокпосту, Тапри начинал канючить, уговаривать: давайте остановимся! Надо согреться, поменять машину, взять новый конвой... «Гони! – следовал короткий приказ. – В штабе согреешься». И он гнал – а что ему оставалось, и чуть не плакал, что вот теперь его сочтут слабым, не способным нести службу нытиком, раскисшим при первом же испытании! А разве он о себе беспокоился?! Да плевать ему на холод, он молод, здоров и вынослив, он и не такое готов вытерпеть во славу великого Отечества!

Но господин Верховный цергард Эйнер ранен, и не надо быть доктором, чтобы понять, как ему плохо, и если он вдруг умрёт прямо здесь, на разбитой глубокими танковыми колеями дороге в прострелянном «велардере», замёрзнет, бессильно привалившись к плечу вражеского шпиона – как будет жить дальше он, младший агард Тапри? Что скажет он всем бледным, изможденным девочкам из санитарных училищ и промышленных школ, всем слабым, болезненным мальчикам, вечно последним в строю, если седьмой справа портрет снова окажется заклеенным крест-накрест по диагонали траурными серыми полосками? Как они будут жить без НАДЕЖДЫ?

Эти мысли были невыносимы. Он не знал, как поступить. Совершить немыслимое – ослушаться приказа? Или выполнить приказ, но потом всю оставшуюся жизнь корить себя, что мог предотвратить беду, и не предотвратил? Такой сложной задачи жизнь перед юным агардом ещё не ставила. Он мучился, мучился, потом понял, что на него никто не смотрит, и в самом деле заплакал, неслышно, без всхлипов. Только слёзы текли по щекам, мешали видеть дорогу.

На самом деле, терзался Тапри зря. Цергард Эйнер помирать пока не собирался, просто спал. Конечно, было ему плоховато, и плечо болело всё сильнее, и промёрз до мозга костей. Но это всё не смертельно, по крайней мере, он сам так считал. Наверное, если бы зеркало заднего вида уцелело, и он смог бы увидеть себя со стороны, оптимизма бы у него поубавилось. Но своего решения, не показываясь на глаза посторонним в таком плачевном виде, он всё равно не изменил бы. Этому учил покойный отец: «Запомни, сын мой, никогда, ни в коем случае подчинённые не должны видеть нас слабыми. Особенно – тебя».

Гвейран сидел тихо, старался не шевелиться. В какой-то момент машину сильно тряхнуло, и спящий сполз вбок, привалился к его плечу. Первым желанием было – оттолкнуть.

Недостаточный профессионализм – вот как это называлось. Наблюдатель не должен позволять себе никаких эмоций по отношению к объекту. Чтобы ни происходил вокруг, надо оставаться абсолютно бесстрастным и беспристрастным. Не иметь предпочтений, не давать оценок, не делить чужой мир на плохих и хороших, не искать виновных. Наблюдать и докладывать – ничего больше. Наука рад науки. Но это в идеале. На деле же...

Попробуйте остаться бесстрастным, когда вокруг гибнут ни за грош невинные, тысячами гибнут, десятками тысяч. Как избежать эмоций, когда на твоих глазах мучительно умирают те, с кем ты прожил бок о бок не один год, и ты не вправе их спасти, твоё дело – наблюдать и докладывать? Как не искать виновных, если ты знаешь их поимённо?

И как поступить, если один из них – обескровленно-бледный, измученный, с посиневшими от холода губами, спит на твоём плече? Пожалеть, как всякую живую тварь? Но это ведь по его приказу везут тебя – куда? В тюрьму? На штрафные работы? На расстрел?

Право, забавная была ситуация! Пустая ночная дорога и на ней в разбитой машине трое: арестант без наручников, вооружённый пистолетом, и двое конвоиров – один раненый и безоружный, другой вообще слова доброго не стоит. Интересно, чем бы кончилось дело, окажись на его, Гвейрана, месте *настоящий* шпион или диверсант?

«Велардер» занесло на крутом обледенелом повороте, взвизгнули тормоза. Цергард болезненно вздохнул, но не проснулся. Гвейран заглянул ему в лицо – уж не замерзает ли, в самом деле? У спящих «детей болот» всегда такие юные, беззащитные лица... У спящих, и у мёртвых. Такими юными и беззащитными их и сбрасывают в топь – тысячами по всей стране... Топь примет всех – и бледную, изможденную девочку из санитарного училища, и болезненного мальчика, с трудом удерживавшего автомат в слабеньких руках, и аристократически красивого молодого офицера в элегантной черной форме с веером золотых листьев на погонах... Только что это изменит? Если у чудовища девять голов, какой смысл отрубать одну?

Гвейран лукавил. Развлекал сам себя приятными мыслями, и только. Даже если бы *смысл* был, он всё равно так не поступил бы. По ряду причин. Во-первых, он был профессионалом, пусть и с недостатками. Во-вторых, цергард был его последней надеждой, без него не остава-

лось ни единого шанса встретиться с *остальными* или, хотя бы узнать, живы ли. В-третьих... Не хотелось признаваться самому себе, но не смотря на непозволительную для профессионала ненависть к контрразведке вообще, и к её правящей верхушке в частности, цергард Эйнер был Гвейрану симпатичен. Вел он себя именно так, как и полагается себя вести на войне настоящему солдату. Как говорится в одном архаичном выражении, «с таким хоть разведку»! И это злило больше всего.

... А Верховный цергард Эйнер спал, не подозревая, какими страстями обуреваемы души его спутников. И снились ему сущие глупости: будто бы весь второй этаж Генштаба до половины высоты залит мутной, но тёплой водой, и он, как есть в парадной форме с аксельбантами и лакированных сапогах, плавает, ныряет, резвится в этой воде. И уж так ему хорошо, так легко и приятно, что если бы поясной потрет Верховного цергарда Добана не тыкал его в плечо своей знаменитой тростью с набалдашником в виде мёртвой головы, не упрекал: «Как же вам не стыдно портить дорогое обмундирование, молодой человек, что сказал бы на это ваш достойнейший отец?» – жизнь была бы абсолютно прекрасна!.. В общем, он и вправду замёрз бы, продлился поездка хоть на час дольше.

К столице они подъезжали уже на первом восходе. Акаранг сонно выкатился из-за горизонта, осветил тусклыми лучами всё тот же безрадостный пейзаж: плоская белая равнина с чёрными проплешинами, низкорослые и чахлые, измученные жизнью деревца кое-где вдоль обочины, приземистое укрепление очередного блокпоста впереди по курсу. А дальше и левее перепад высот, будто огромная ступень – Арингорское плато. На плато город, большой и красивый, с виду почти не тронутый бомбами. Хотя всем понятно: бомбят тут не меньше, просто отстраивают быстрее. Как-никак, столица великой державы! Надо соответствовать!

Гвейран любил этот город, он прожил здесь свой первый *внеземной* год – проходил практику. И лет ему было... да немногим больше, чем мальчишке-агарду, ошеломлённо вытаращившемуся в окно. Сразу видно, он тут впервые! Он таких красот ещё не видывал! Всего пять часов пути отделяют промышленный Крум от военной столицы. Для мирного времени это не расстояние. Но во время военное никто не покидает место жительства без приказа или особого разрешения. Люди заперты в своих городах как в тюрьмах, и есть из них лишь две дороги – на фронт с автоматом или в топь вперёд ногами... Хотя, нет, про ноги – это из другой истории. Трупы топят боком: раскачают и забросят подальше – плыви, родимый. Это если захоронение индивидуальное. А для массового есть экскаватор с ковшом, но на это лучше никому не смотреть...

Гвейран помнил другие времена: фронты далеко, четвёртая, самая страшная бомба пока не сброшена... Тогда ещё Арингор не стал столицей, и это было ему очень на пользу. Уродливые бетонные цилиндры новостроек уже выросли по его периметру, но в центре сохранялись нетронутые уголки старой имперской архитектуры – очаровательные усадьбы в окружении тенистых, немного запущенных садов, павильоны с застеклёнными куполовидными крышами, похожие на огромные мыльные пузыри, общественные здания эпохи Тараг – монументальные, сооружения, облицованные чёрным мрамором и малиновым кварцитом, украшенные статуями и каменной резьбой. Многим они казались излишне помпезными и нефункциональными, поговаривали даже о сносе, но всё-таки они придавали городскому облику определенный колорит.

А сносить их не пришлось – рухнули сами, при первых же бомбёжках, и сколько народу было похоронено под их чёрными и малиновыми обломками – никто не считал. Теперь на их месте стояли серые цилиндры с крошечными окошками, широкие, приземистые – этажа в три-четыре, не выше – пропорциями они напоминали не полноценные здания, а обрубки. Архитектура военного времени за красотой не гналась, лишь бы надёжно было. По расчётам, каждый такой дом должен был выдерживать прямое попадание авиабомбы. Но многие почему-то не выдерживали...

Зато уж Генштабу контрразведки не только простой воздушный налёт – ядерная атака была не страшна! Гигантская каменная таблетка выростала из тверди в центре города, на месте бывших старинных усадеб. Высотой она была всего-то с трёхэтажный дом, но по площади занимала... Впрочем, информация о её площади была засекречена, но достаточно сказать, что на плоской крыше здания была оборудована взлетно-посадочная полоса для боевого истребителя, там же размещалось несколько зенитных расчётов. Окон у этого эпического по своим размерам и безобразию сооружения не было вовсе, все входы и въезды закрывались наглухо стальными дверями со свинцовой начинкой. Большая же часть помещений располагалась ниже нулевой отметки – шесть служебных и пять жилых уровней (по официальным данным) было выдолблено в скальном массиве Арингорского плато.

Подъезды к зданию никак не охранялись, даже часовой у ворот не стоял. Собственно, и ворот никаких не имелось – чисто символический шлагбаум в весёленькую жёлто-зелёную полосу был всегда поднят. Опускали его только во дни государственных праздников – непонятно, зачем.

– Туда, – указал здоровой рукой Цергард.

Миновав шлагбаум, машина притормозила у одного из въездов, явно не парадного. Лязгнули тяжёлые раздвижные заслоны, за ними открылся плоховато освещённый тоннель, закрученный широкой спиралью. Вдоль стен тянулись окрашенные в серый цвет трубы, связки чёрного кабеля, провода в цветной изоляции. Один провод искрил, и несколько лампочек гадко мигало мёртвым белёсым светом.

Спустившись на десять витков вниз, они оказались на огромной стоянке, такой же грязной и тёмной. Здесь было тесно, техника стояла плотными рядами, и Тапри с трудом, кое-как припарковался у стены. Среди черно-белых (зимний камуфляж) и серо-бурых (летний камуфляж) пятнистых «кваргов», облезлых автозаков и хищных «торонг» роскошный, хоть и потрёпанный «велардер» смотрелся чужеродно, будто император на балу у дворников.

– Вы не одолжите мне своё пальто? – неожиданно спросил цергард у Гвейрана, и прибавил с неприятной усмешкой. – Оно вам теперь вряд ли скоро понадобится... да, и оружие верните.

Гвейран молча выполнил просьбу. Эйнер набросил пальто на плечи, поверх собственной форменной куртки. Типа, холодно ему, озяб в пути. Он понимал – происшествия не скроешь, лишних пересудов не избежать. Разбитая машина стоит в автопарке неммым свидетельством их ночных приключений. И всё-таки простреленный «велардер» это одно, а простреленный Верховный цергард – совсем другое. Это чрезвычайное происшествие государственного уровня. Ни к чему его афишировать.

– Какие будут распоряжения, господин Верховный цергард?

Это подоспел трегард Кнерс, свой человек, удачно, что дежурит именно он. За качество ремонта машины и конфиденциальность информации можно не беспокоиться, не впервой.

– Прикажете подать внутренний транспорт, – велел цергард. Разумнее было бы подняться до своего уровня на лифте, и дальше пешком, но очень уж не хотелось лишний раз шевелиться. – И распорядитесь насчёт людей, – он кивнул на спутников. – Агарда в офицерское общежитие на втором уровне, задержанного к остальным... – тут сердце Гвейрана радостно ёкнуло, но проклятуший цергард вдруг изменил решение... – или нет, давайте пока в пятую камеру.

– В пятую? – уточнил дежурный с удивлением, поднял кустистую бровь.

– Именно, – подтвердил цергард утомлённо, – и если комендант попытается возражать, передайте, что вечером я зайду, его расстреляю... да, и машину пусть посмотрят, там пулемёт заклинило, и вообще... Еще надо подыскать нового водителя, прежний убит. Пусть наградят лентой и сообщат семье.

– Разрешите выполнять? – трегард направился к коммуникатору.

Автопарк пришёл в движение – появились конвойные, механики, прибыл двухместный транспорт для межуровневого пользования, на штабном жаргоне именуемый «зверёк» за кургузый вид и большие фары, похожие на жёлтые глаза.

Цергард отбыл, спутников его увели. Трегард Кнерс задержался возле помятого «велардера», заглянул в салон. Там была кровь. Много, много крови. И не то странно, что она там была, а то, что не только на водительском сидении, но и на двух задних креслах. Молодой агард и задержанный вышли из машины целыми-невредимыми, это трегард хорошо помнил. Как и дрянное гражданское пальто на плечах Верховного. Кнерс задумчиво потрогал бурое пятно, зачем-то понюхал испачканные пальцы. И снова шагнул к коммуникатору. Минуту спустя из подсобки приковылял человек с изуродованным, изрезанным страшными шрамами лицом, на месте его нижней челюсти висел безобразный кусок мяса. Человек нёс ведро и тряпку.

– Всё отмыть! – трегард кивнул на кровавые пятна.

Человек нечленораздельно, но браво замычал в ответ.

Гвейрана аккуратно заковали в наручники и повели к лифту. Кабина оказалась лучше, чем можно было ожидать – чисто, стены отделаны светлым пластиком, пружинящее покрытие на полу. Один из конвоиров передёрнул рычажок на панели, в окошечке высветилась цифра «-7».

Воображение рисовало Гвейрану мрачные картины, подсказанные историей другого, не этого мира: сырые казематы с кольцами для цепей, вделанными в каменную кладку стен, крошечные одиночные камеры-шкафы со скошенным полом – в такой даже на корточки не присядешь, можно только стоять сутками напролёт, смрадные, промёрзшие по углам бараки с нарами в три яруса и обледелой дырой для слива нечистот... А в этом мире был каменный мешок – яма выдолбленная в тверди, зарешёченная сверху...

То, что предстало его взору на седьмом уровне, общим представлениям о местах заключения не соответствовало абсолютно. То есть, гулкий коридор, ведущий от лифта – мрачный, перегороженный решётками через каждые двадцать шагов, с многочисленными железными дверями, оборудованными маленькими смотровыми окошками – в эти представления вполне укладывался. Но камера! Собственно, это была и не камера вовсе, скорее, номер дорогого отеля! Широкая кровать под полосатым пледом, бархатное кресло и яшмовый столик на одной ножке, богатый кованный торшер, деревянный шкаф со свитками книг, толстый ковёр на полу... Здесь даже душевая кабина имелась, с круглым фарфоровым поддоном и перегородками матового стекла! Собственная крумская квартирка Гвейрана ни в какое сравнение не шла с этим великолепием!

На входе его обыскали, тщательно и бесцеремонно, смерили пренебрежительным взглядом – видно, не к таким гостям тут привыкли – и оставили одного, заперли на стальной засов. Арестованный с наслаждением подставил замёрзшее, затёкшее тело под тёплые длинные струи воды, и сына подумал, что цергард Эйнер, пожалуй, и в самом деле не так уж плох... или это только игра в доброго полицейского?

Выйдя из душевой, он обнаружил на столе блюдо с печёными овощами под мясным соусом аваль. Съел – давненько не приходилось так-то пировать. И лёг поспать с дальней дороги. Хотя, по-хорошему, не спать надо было, а продумать, наконец, будущую линию поведения.

Эйнер с размаху рухнул на кровать – и тут же об этом пожалел. Толчок резкой болью отозвался в прострелено плече. Он лежал, мёрз, дрожал и понимал, что согреться ему не удастся. Надо встать. В душ. До душевой – двадцать шагов... Вольно ж было покойному отцу занять такие огромные апартаменты! Термос с харатом на столе в домашнем кабинете, может, еще не остыл за сутки... Пятнадцать шагов. Вызвать по коммуникатору адъютанта? Всё равно при-

дётся вставать... Да и сволочь он, адъютант Шру, и как бы не шпион, подсланный цергардом Репром, надо от него избавиться при случае. Сказать дядьке Хриту, чтобы устроил аварию? Или просто прогнать за нерасторопность? Тьфу, да не до Шру ему сейчас! Самому бы в живых остаться!

С этой мыслью он и заснул.

Проспал часов пять, до самого второго рассвета. Проснулся от головной боли – и неудивительно. Всем известно, как вредно спать в межвосходе. Сел, и понял, что нечем дышать – из носа льёт в три ручья. Этого не хватало! Помереть во цвете лет, и не от ран, как доблестный солдат отечества, а от простуды, как хилое «дитя болот»!.. Впрочем, таков он и есть на самом деле, а если чем-то и отличается от собратьев по мутации, то не его в том заслуга, а отцовская. Если бы случился у отца здоровый сын, а не радиационный урод, и он занимался бы его физическим воспитанием так же фанатично и безжалостно, как было с Эйнером, если бы нормальный ребёнок затрачивал столько усилий, сколько пришлось затратить «болотному», он наверняка вырос бы чемпионом мира по всем спортивным показателям и дисциплинам, и ходил бы увешанный значками и лентами с ног до головы. Эйнер же добился только одного – был не хуже других, нормальных. «Годен к строевой» – была раньше такая формулировка, устарела лет пять как. Теперь призывают и «детей болот», независимо от степени «годности», пушечному мясу большого здоровья не требуется...

Цергард встал – разлеживаться дальше было некогда, накопились дела. И одно из них, до сих пор не допрошенное, ждало в спецкамере номер пять. Кое-как сменив заляпанную кровью, порванную форму на свежую, придерживаясь на всякий случай за стеночку, Эйнер побрёл в рабочий кабинет.

Привели Гвейрана, свежего и сытого на вид. Тут только цергард вспомнил, что со вчерашнего дня крошки во рту не держал. Велел принести пирогов из буфета, но есть не стал – тошнило. Поставил перед арестованным.

– Угощайтесь, – помолчал, и добавил, – ну, кватты я вам не предлагаю, давайте сразу к делу. Где ОНО?

– Что – оно? – озадаченно уточнил Гвейран, он и вправду не понял, о чём речь.

Цергард чихнул.

– Откуда я знаю, что? То, чем вы прибыли на нашу планету. Транспортное средство. Уж не знаю, как вы его называете.

Гвейран поперхнулся пирогом. Поднял брови. Спросил невежливо, но очень спокойно (ох, как нелегко давалось ему это напускное равнодушие!):

– Вы вообще в своём уме?

– Более чем! – усмехнулся цергард и нехорошо закашлялся. Выглядел он совсем скверно.

– В больны, – сказал Гвейран, бросил взгляд на новую куртку, – вы сегодня перевязку делали?

– Сделаю, – обещал цергард, – не отвлекайтесь. Отвечайте на вопрос.

– Я ничего не могу вам ответить. Я не понимаю вопроса.

Цергард откинулся на спинку огромного чёрного кресла, прикрыл глаза, обведённые тёмными кругами. Хлюпнул носом. Страшно ему не было – привык. Давно привык.

– Всё вы понимаете! – сказал с лёгким раздражением. – Знаете, вы мне надоели. Вы и вся ваша компания. Не понимаю, к чему отпираться? Я всё равно добыю своего. Если вы не цените цивилизованно обращения – что ж, будет другое. Так и передайте вашим... соплеменникам!.. Увести! – он вызвал конвой.

– Назад в пентую? – уточнил охранник.

– Нет, к остальным.

...Ну, нет у него сейчас сил на интеллектуальные игры с вземным разумом! Мнимый доктор Гвейран может и до завтра подождать, не к спеху. Сейчас лучше решить вопрос с адъютантом.

Шру явился на вызов спустя три минуты. Целых три минуты! Безобразие! Где его вечно носят пьяные черти?! Не адъютант – подвода тихходная! Не подходит нам такой! Уволен! Привести вчерашнего агарда! Того, что из Крума. Что значит, не знаете где? У нас контрразведка или женская санитарная школа? В офицерском общежитии, на втором уровне!.. Разрешаю, исполняйте. Давно пора!

Агарда Эйнер не дождался. Потому что запищал настольный коммуникатор, и сердитым голосом цергарда Сварны попросил зайти к нему в кабинет как можно скорее.

Теоретически, один Верховный цергард вовсе не обязан подчиняться другому. Но толстый, вальяжный Сварна был единственным преданным другом покойного цергарда Регана, и к сыну его относился как к близкому человеку, пожалуй, даже лучше, чем родной отец. Беспокоился, старался опекать... Вот и теперь, наверняка, услышал доклад о простреленном «велардере», перепугался... Надо сходить, успокоить. Благо, недалеко.

Сварна поджидал Эйнера на пороге кабинета, рыскал туда-сюда мимо двери, как зверь в клетке. Обычно он не любил много двигаться, но волнение было слишком велико, мешало усидеть на месте. Раньше, в молодые годы, ещё не сделавшись одним из военных правителей Арингорода, Сварна был совсем другим человеком – стройным, подтянутым штабным офицером с нервами-канатами и квадратным волевым подбородком. Возможно, он чуть больше остальных ценил комфорт, любил хорошую еду и с некоторой ленцой относился к физическим нагрузкам. Однако, это не помешало ему достичь самых вершин государственной иерархии. Достигнув же их, он позволил своим маленьким слабостям перерасти в большие. Стал толст, неповоротлив, одышлив и сентиментален, подбородок его скрыли тяжёлые складки жира, и теперь только на портрете, шестом в ряду, можно было увидеть его настоящую волевою форму. Но собственные телесные трансформации цергарда Сварну нисколько не печалили – какой есть, такой есть, отчитываться не перед кем.

А печалило его поведение цергарда Эйнера, сына его любимого, безвременно ушедшего товарища. Конечно, по молодости всех тянет на приключения и авантюры, но надо же и меру знать! Слыханное ли дело – ночью, по трассе, без танкового сопровождения! Это же чистое безумие в наше время! Люди нашего положения не вправе так рисковать собой!..

И всё в таком духе. Доложили, значит. Что и следовало ожидать.

Сварна отчитывал равноправного своего соратника, как учитель – нашкодившего школьника. Тот слушал и улыбался. Обидно не было – за громкими словами о священном долге перед страдающим народом, о врагах, которые не дремлют, и прочей чепухе скрывалась искренняя человеческая тревога. Цергард продолжал метаться по комнате, толстые щёки тряслись, на глаза наворачивались слёзы. У него не как-то не случилось своей семьи, и Эйнер был единственным, кого он любил на этом свете. Вот почему он говорил, говорил, и никак не мог остановиться. Пока собеседник не расчихался, громко и отчаянно. И цергард Сварна тут же позавыл и народе, и о коварных врагах его.

– Боже мой! – всплеснул он пухлыми руками, – а почему ты В ТАКОМ ВИДЕ?! – заметил, наконец! – Отвечай сейчас же, что случилось?! Ты нездоров?! – он чуть не плача, кинулся к коммуникатору, потребовал врача.

– Не надо мне врача! – поспешил отказаться Эйнер. – Мне и так хорошо.

– Хорошо? – вскрикнул Сварна. – Ты себя в зеркале видел? Господи, мальчик, да что же с тобой происходит?! Отец мучил тебя столько лет, но теперь, когда его, на наше горе, не стало, зачем ты продолжаешь себя мучить?!

– Привычка – вторая натура! – улыбнулся цергард чуть развязно. Разговор стал ему неприятен.

Явился трегард Грасс – личный врач Сварны, приставленный к нему по причине сердечной астмы. Взглянул на Эйнер и попросил снять куртку. Тот снисходительно подчинился. Под курткой была рубашка со вспоротым рукавом, вся в пятнах, старых побуревших и свежих красных.

– А-ах! – сказал цергард Сварна и сполз на пол по стене – штабные офицеры не любят крови. Врач кинулся к нему с каплями.

– Ну, занимайтесь, – усмехнулся Эйнер и ушёл.

И в коридоре нос к носу столкнулся с форгардом Дрианом из отдела по контролю за общественным порядком. Как назло. Не то чтобы он Дриана не любил, просто тот был очень многословен, имел привычку любую свою мысль повторять дважды. Вот и теперь он два раза подряд доложил, что подростки из трудового молодёжного лагеря «Стрела Возмездия» третий день отказываются выходить на работу по причине незаконно урезанного пайка.

– А почему этим занимаетесь вы, и докладываете об этом мне? – удивился Эйнер, – Неужели отдел образования не в состоянии решать свои воспитательные проблемы самостоятельно? – его, по молодости лет, порой ещё ставили в тупик бюрократические коллизии.

Тогда Дриан очень обстоятельно поведал, что разбор завалов относится к разряду работ стратегической важности, срыв их (по вине, заметьте, продовольственного департамента!) квалифицируется как саботаж и подрыв обороноспособности государства, значит, дело выходит из прямой юрисдикции отдела образования и должно рассматриваться именно его, форгарда Дриана, ведомством. При этом, в спорном случае, последнее слово остаётся за Верховным цергардом Эйнером, лично курирующим это направление.

Верховный Цергард Эйнер нахмурился, стараясь припомнить, когда именно, на каком из заседаний, на него успели повесить «это направление», причём так ловко, что сам он этого даже не заметил. Ничего не вспомнил, зато принял решение.

– Ну, раз подрыв обороноспособности, так отправьте-ка всех на южный фронт. Чтоб другим неповадно было, – сказал он и хотел уйти, но пожилой форгард вдруг изменился в лице.

– Господин Верховный Цергард! – воззвал он с отчаянием в голосе. – Но как же так?! Ведь они совсем ещё дети! И паёк им урезали без всяких оснований, перевели с военного на тыловой... А ведь там, в завалах, неразорвавшиеся бомбы...

Эйнер искренне возмутился.

– Дети? Маленькие? Тогда зачем их вообще запихали в лагерь?

– Дети, конечно дети. Лет четырнадцать-пятнадцать не больше...

Цергард удивился ещё больше. Ему живо вспомнилось собственное пятнадцатилетие, как лежат они в болоте на животах, грызут по очереди, на троих, подплесневелый сухарь – за его, именинника, здоровье, а пули свищут над головами, и гнус звенит в ушах, лезет в узкие, как у северян-меннохов, слезящиеся глаза. А потом Прави Иг-ат, один из них троих, вдруг престал возвращать кусок, жрёт и жрёт в одно рыло. Тогда Верен Сор-ат толкнул локтем – отдай, он и завалился вбок, с сухарём в зубах, с дыркой во лбу. Ничего. Разжали рот, забрали огрызок – не пропадать же добру...

В тот год случился большой прорыв Набара на южном направлении, школьников угоняли на фронт колоннами, отец был очень доволен. «Пусть парень порошу понюхает» – сказал он другу Сварне, попытавшемуся остановить «это безумие». У других Верховных тоже были дети – и у Добана, и у Кузара, и у Репра двое, и у Азры... На фронт пошёл один Эйнер. Тогда он, с одной стороны, был даже рад этому – мальчишек, по глупости, всегда влечёт война – с другой, затаил обиду на отца. Ему казалось, тот нарочно ищет возможность избавиться от неудачного и нелюбимого отпрыска-мутанта, его же собственными стараниями «годного к строевой»...

От воспоминаний о сухаре Эйнеру сделалось нехорошо.

– Всех на южный фронт, – отрезал он сухо. – Паёк урезали, скажите, нежности, какие!

И тут случилось нечто, невероятное по своей дикости!

Форгард Дриан, всегда такой сдержанный, такой скучный, такой равнодушно-беспощадный к врагам Отечества, вдруг повалился ему в ноги!

– Умоляю!!! – прохрипел он сквозь слёзы. – У-мо-ляю!!!

– Да что с вами?! Прекратите! – Эйнер в панике пятился, Дриан полз следом, то обнимал его колени, то пытался ловить и целовать руки, будто преданный раб – императору эпохи Тараг. – Что случилось-то?!!

– Мой сын! – лепетал Ледяной Дриан. – Мой мальчик! Он там, в лагере! Не погубите!!!

Вот теперь он всё понял. Стало ясно, откуда у «незаконно» обделённых парней из «Стрелы возмездия» взялось столько наглости, что они осмелились устраивать забастовки в военное время. Лагерь был элитным, тёплое местечко для великовозрастных отпрысков высоких городских чинов. По-хорошему, следовало бы проявить принципиальность: на фронт, всех на фронт! Но зачем наживать новых врагов, если и старых недоброжелателей хватает?

– Ну, хорошо, – уступил Верховный Цергард будто бы нехотя. – Только из уважения к вашим отцовским чувствам. Оставьте *детей* в лагере. Но, – добавил мстительно, – паёк урезать до иждивенческого. В назидание.

Форгард принялся униженно благодарить – еле отбился.

Безобразная сцена совсем выбила Эйнера из колеи, стало жарко ушам. Хорошо ещё, в коридоре не оказалось посторонних! Стыд, ох, какой стыд! Отец никогда не стал бы так унижаться ради него, он лучше умер бы... Хотя, нет. Чтобы не унижаться, он позволил бы *убить своего сына*.

Ушам сделалось ещё жарче: цергард понял, что до боли завидует незнакомым обнаглевшим парням из «Стрелы возмездия». Не потому, что те счастливо избежали фронта. Потому что им достались *другие* отцы.

Но долго расстраиваться по этому поводу Верховный цергард себе не позволил – сколько можно переживать из-за отношений с человеком, которого давно нет в живых? Что было, то прошло, надо думать о насущном. А самым насущным на данный момент являлся Верен Сорат, тот парень, с которым вместе грызли сухари на болотах.

У них вообще было много общего, кроме сухарей. Вместе ходили в школу, не специальную – самую простую, если не сказать, плохую. Нет, учили там хорошо, по стандарту. Кормили гнусно. Били нещадно, за провинности и без – для страха. И Эйнеру Рег-ату поблажек не было никаких, о положении его отца просто никто не догадывался (на людях его роль исполнял адъютант Брад, с большим удовольствием отвешивал мнимому сыну затрешины). Поблажки случались Верену, его лупили реже – боялись зашибить. Это в наши дни на трёх нормальных детей рождается один «болотный», а двадцать с лишним лет назад их были единицы. Они становились изгоями, но обращались с ними, по незнанию, осторожно. По крайней мере, с самыми дохлым на вид.

Именно такой вид был у Верена. Он был похож на бледную пещерную рыбу с большими прозрачными глазами и маленьким ртом. Ему и прозвище досталось: «рыба». Сам Верен ничего плохого в представителях водной фауны не видел, и против клички не возражал. Возражал Эйнер, не раз и не два разбивавший костяшки о чужие зубы и скулы. Потому что были они с Вереном самые большие друзья. Они поклялись в вечной преданности на трупе убитого врага (молодой бронзогг, отбившийся от банды, голодный до безумия, заскочил в школьной двор, каким-то чудом миновав охрану, и напал, а они вдвоём его тем же чудом прикончили, забили тяжёлым баллоном огнетушителя). Они прошли вместе все ужасы набарского фронта. Повзрослев, они чуть не стали родственниками – жена Верена и невеста Эйнера были родными сёстрами. Теперь в комнате у каждого из них, на стене памяти висела одинаковая фотография, перечёркнутая крест-накрест серыми лентами: две тоненькие бледные девушки в санитарной

форме стоят, обнявшись, на фоне стены заразного барака. В этом бараке их потом бомбой и накрыло, осталась одна воронка.

Потом их жизненные пути разошлись – Эйнер занял своё место в контрразведке, Верен стал биологом и врачом в госпитале военного университета – но близкая дружба осталась. А не так давно появилась общая тайна, из-за которой цергард в тот день и поехал к старому другу.

– Наконец-то! – обрадовался тот с порога. – Явился! Где тебя но... – и тут же, перебив сам себя, другим тоном: – Нет, ты спятил?! Какого чёрта ты шляешься по городу в таком состоянии?! – намётанный глаз врача сразу определил, что со старым боевым товарищем, мягко говоря, не всё ладно.

– Я не шлялся, – ответил тот. – Я шёл к тебе. Ты же у нас врач.

Эргард Верен фыркнул – он отлично понимал, что Эйнер шёл к нему совсем по другому поводу.

– Только не говори, что у вас в Генштабе нет медика, способного лечить простуду.

– А не в простуде дело! – победно заявил Эйнер. – Вот! – он предъявил кровавые результаты ночной поездки.

Верен изменился в лице. Свирепо вытаращил блёклые рыбы глаза. Тонем, не терпящим возражения, приказал:

– Так, за мной, быстро! – и спросил уже мягче, с тревогой, – ты идти-то можешь?

– Раньше как-то ходил! – усмехнулся цергард. – А куда?

– В перевязочную. Здесь у меня ничего нет.

Перевязочная располагалась этажом выше. Личного жилья эргард не имел за ненадобностью, обретался в комнате при лабораториях университетского госпиталя. Когда-то у него неподалёку была собственная квартирка в старинном жилом доме, но после гибели жены он не мог в ней оставаться. А теперь уже и дома того не сохранилось, рухнул старичок, сметённый взрывной волной.

В первой перевязочной оказалось занято. И во второй, и в третьей. Коридор был забит ранеными – с юга только что пришёл большой эшелон. Остро пахло нечистотами, невымытым телом и гангреной.

– Зачем я тебя наверх потащил? – злился Верен. – Надо было самому за бинтами сгонять... Ладно, давай сюда! – он отпер дверь пустого кабинета. – Заходи, ложись.

Эйнер зашёл, но лечь не стал. Спросил только:

– Ты что, дурак?

Потому что кроме шкафа с медикаментами, единственной мебелью в кабинете было гинекологическое кресло.

– Да какая к чёрту разница? – отмахнулся добрый друг. – Я дверь запру. И достал из шкафа шприц.

– Это что? – с лёгким беспокойством осведомился Эйнер, подглядывая углом глаза, как стеклянная трубка наполняется розовой жидкостью. Как-то не доверял он медицине, даже если исходила она от лучшего друга.

– Анестезия, – буркнул тот сосредоточенно.

– Ох, жалко тратить! – дефицитная была вещь, ни к чему бы расходовать по пустякам.

Верен считал иначе.

– Ещё я вивисекцией не занимался! Не на передовой, слава Создателям! Смори, как у тебя всё присохло, отдирать придётся!..

Эйнер хотел посмотреть, но не успел – заснул. И что там с ним делали дальше, не знал. А когда проснулся, увидел Верена с чистой рубашкой в руках.

– Вот, держи. Я твою в стирку выкинул.

– А эта чья? Откуда? – спросил цергард с подозрением, соображал он ещё плоховато.

– Моя. Из комнаты принёс.

– Ты что?! – возмутился Эйнер. – Ты *уходил*?! И оставлял меня тут *одного*?! А если бы кто вошёл?!

Верен не удержался, прыснул, представив, как акушер Смидра входит в свой кабинет, а там, неудобно перекосившись в кресле, без рубашки, с перевязанным плечом дрыхнет, ни больше, ни меньше, один из девяти Верховных цергардов Федерации! Есть от чего спятить!

– Обошлось же! – сказал он, отсмеявшись.

Они вернулись в лабораторию. По дроге Эйнера пошатывало, как пьяного, друг придерживал его за рукав.

– Зачем приходил-то? – спросил он внизу. – Я имею в виду, *на самом деле*.

– Похвастаться, – был ответ. – Последнего вчера взяли. По крайней мере, из этой партии.

– Ты уверен? – уточнил Верен. – Анализ не будем делать?

– На все сто. Пришелец. Я их уже нюхом чую. Без всяких анализов.

Минуту оба молчали. Потом Верен задумчиво покачал головой.

– Не представляю, как вы их вычисляете, – вымолвил он. – Такая неразбериха кругом, беженцы, мутанты... Столько народу вообще без документов...

– А! Вот в этом-то их ошибка! У них-то все документы в порядке – не подкопаешься. Идеально сделано.

– И что? – не понял Верен.

– То, что у нас, слава Трём Создателям, бюрократическое государство. И если кто-то откуда-то прибыл, он должен был откуда-то убыть. И там, на местах, должны были остаться отметки и сведения. А их нет. Будто из пустоты люди объявились... – он на секунду задумался. – На их месте я подделывал бы документы убитых. Тоже не лучший вариант, есть опасность, что сличат фотографии, но всё-таки меньше шансов повалиться. Труднее делать запрос, – и заключил не без злорадства, – Паршиво у них там разведка работает. Как дети малые!

– Сказал что-нибудь?

– Молчит пока. Все молчат. Ничего, разговорятся. – контрразведчик зловеще усмехнулся.

– И всё-таки я не понимаю, – Верен продолжал когда-то давно начатый разговор, – почему ты не можешь предъявить вашим идиотам результаты анализов? Доказательство неопровержимое! Совсем иной состав крови!

– Потому что наши идиоты скажут: новый вид мутации. И объявят меня психом. Они только этого и ждут, уж поверь! Нет, пока не найдём транспорт – даже заикаться нельзя.

– Между прочим, – сменил тему эргард, – ты ещё не сказал, где тебя прострелили.

– Под Крумом, ночью. Я туда на задержание ездил.

– Сам лично на задержание? – удивился друг. – Ваши специалисты без тебя не справились бы?

– Просто мне было интересно посмотреть на его жильё, – пояснил Эйнер.

– И что там было? – Верену тоже стало интересно. Ему представилась полутёмная комната, заставленная диковинными приборами и аппаратами, с телеэкраном во всю стену и огромными колбами с заспиртованными людьми.

– Ничего, – разочаровал его цергард. – Обыкновенно, как у людей. Наверное, они успели всё подчистить.

Потом он стал рассказывать о ночном происшествии, и страшные события в его изложении выглядели очень забавными. Особенно развеселил друзей эпизод, в котором глава контрразведки лично вооружает инопланетного шпиона собственным пистолетом, потому что «какая ни есть, а всё живая тварь, жалко, если пожрут», а потом ещё и отключается у него на плече, будто у любимого дядюшки.

...У Верена было хорошо. Тесно, зато тепло – госпиталь отапливался по третьей категории. Из лаборатории пахло какими-то химикатами, но запах был мирным, успокаивал. Уходить не хотелось. Они ещё долго сидели рядом, забравшись с ногами на кушетку, потягивали горячий харат из одной кружки – лишнюю посуду хозяин не держал, вспоминали старых школьных знакомых, с которыми Верен встречался часто, но Эйнеру служба не позволяла.

– У Трогра погиб младший брат, нормальный, между прочим, не «болотный», – рассказывал последние новости Верен. – Говорит, родители от горя в полной невменяемости, старших детей видеть не хотят. Амра Коре-ат вышла замуж, за какого-то парня из Академии ВВС, не из наших. И Гедар женился, и Бору...

– Поветрие какое-то! – рассмеялся Эйнер. Что это их всех разобрало, одновременно? Семейным, разве, паёк увеличили? – и полюбопытствовал. – А дети есть?

– Пока нет, ни у кого. Рано ещё, вроде.

И тут Эйнер вскинул на друга красивые серые глаза. Они вдруг стали большими и испуганными. Спросил страшным шёпотом, как заговорщик:

– Слу-ушай! А у кого-нибудь из наших **ВООБЩЕ ДЕТИ ЕСТЬ?! Хотя у одного?!!**

Верен выронил кружку, остывший харат вылился на бурое солдатское одеяло.

Они вспоминали долго. Перебирали в уме друзей, знакомых, и знакомых тех знакомых, и ничего радостного вспомнить не могли. Получалось, что никто из выросших «детей болот» собственного потомства пока не имел. Хотя, самым старшим из них было хорошо за двадцать.

– Может, просто не успели? – предположил Эйнер. – Может, не хотят? Лично я в ближайшее время тоже заводить детей не стал бы...

– Не исключено, – охотно согласился друг. – Какие наши годы, в конце концов!

– Но знаешь, – цергард снова понизил голос, смотрел не прямо, а куда-то в сторону, отводя глаза, – ты всё-таки *проверь*. Так, для спокойствия души.

Верен молча кивнул.

В штаб Верховный цергард вернулся ко второму закату.

И первым, кого увидел он у дверей своего кабинета, был юный агард Тапри, уныло подпирающий стенку.

Для него день сложился ужасно. Он не ел со вчерашнего утра, он не успел выспаться. Его грубовато растолкали, привели к кабинету Верховного цергарда Эйнера и велели ждать. Он ждал и ждал, час, другой, третий. Он ждал весь день. Уйти боялся – вдруг вызовут? Отлучался всего пару раз – в туалет, где не столько справлял нужду – особо-то и нечем было – сколько плакал неслышно, запершись в кабинке. Он чувствовал себя одиноким и забытым, вырванным из привычной жизни и брошенным на произвол судьбы. Там, в родном Круме, он был не бог весть кем, но всё-таки был, нёс важную службу, имел приписку и паёк. Здесь, в столице, его почти не существовало. До него никому не было дела. Забрали его неожиданно, без отметки о выезде, значит, документы теперь не действительны. И вернуться назад самовольно нет никакой возможности, остановят на первом же блокпосту, могут даже пристрелить сразу, как дезертира тыла. А есть хочется невыносимо...

Мимо по коридору время от времени проходили контрразведчики, все в таких чинах, что дух захватывало. В приемной, за длинным столом сидели двое, в звании старших агардов, не то секретари, не то охранники. Осмелев от отчаяния, Тапри пытался воззвать к их состраданию, привлечь внимание к скромной своей персоне. На него смотрели как на пустое место и цедили сквозь зубы: «Ожидайте».

Он совсем устал и задремал стоя. Разбудил его знакомый голос:

– Вот чёрт, я совсем по вас забыл! Давно ждёте?

– Да... Нет! С утра, господин Верховный Цергард! Я готов ждать, сколько потребуется, господин Верховный Цергард!

– Похвально, – усмехнулся тот, и кивнул головой. – За мной!

Агарды в приёмной вскочили, вытянулись в струнку. Цергард бросил на ходу: «Вольно!», и распахнул ногой дверь кабинета. Потом обернулся и приказал:

– Пожрать принесите, дармоеды штабные! Что, не могли догадаться отпустить человека? С утра стены подпирает!

Агарды взглянули на Тапри с ненавистью:

– Виноваты, господин Верховный Цергард!

Но он их больше не слушал. Он сел в большое кресло, и Тапри велел сесть на стул. Тот примостился на краешке, и опустил глаза в пол. Стыдно ему было, стыдно до ужаса за то, как вёл себя в ночном бою: визжал от страха, пререкался с высшим командованием, по сто лет не мог сообразить, что от него требуется... Разве так должны вести себя солдаты, присягнувшие на верность Совету и Отечеству? Разве место ему после этого в славных рядах контрразведки? Весь день бедный Тапри ждал, когда придёт час расплаты, и готов был с честью принять любое наказание: на фронт, так на фронт, в лагерь так в лагерь. Туда ему, трусу, и дорога – месить болотную грязь, кормить гнус, таскать тяжести. На что он ещё годен?

– Вы хорошо проявили себя минувшей ночью, – услышал он вдруг как сквозь сон. – Поздравляю вас с присвоением очередного звания и предлагаю должность моего адъютанта. Вы согласны? У вас нет причин для отказа? Эй, ВЫ МЕНЯ ВООБЩЕ СЛЫШИТЕ?! Вам нехорошо?

Наверное, он совсем ошалел от изумления. Потому что вместо уставных ответов, вдруг выпалил по-идиотски:

– Я?! Хорошо себя проявил?!

Цергард взглянул ему в бледное лицо и ответил очень спокойно и твёрдо.

– Да вы проявили себя отлично. Благодаря вашим решительным действиям, все мы остались живы. Мне требуется именно такой адъютант. Съешьте рыбу... – это принесли тарелки с едой, – ... а потом отправляйтесь в канцелярию, пусть на вас оформят документы о переводе. И распорядитесь насчёт своих вещей, если желаете, чтобы их переслали из Крума.

Никогда в жизни агард – теперь уже старший! – не ел такой вкусной рыбы! И не нужно ему было старое крумское барахло, ведь жизнь начиналась заново, совсем другая жизнь! Счастье было невероятным, незаслуженным, и старший агард клялся про себя, тайно, на верность не Отечеству, не Совету – лично Верховному цергарду Эйнеру. Страшной была эта клятва, такие нельзя произносить вслух. Потому что юный Тапри, сирота без роду-племени, найденный на руинах разбомблённого дома, слабое и полубольное «дитя болот», обещал себе в тот час. Если случится в том нужда, во имя Верховного цергарда Эйнера он изменит Совету и предаст Отечество. Он пойдёт на всё ради него, до самого конца. Это была клятва смертника. И о ней никто не должен был знать, даже сам Верховный цергард.

Гвейран лежал наверху и думал ни о чём. Просто он устал от общения с соплеменниками. Слишком много было эмоций.

Нет, он не назвал бы встречу радостной. Во-первых, чему тут радоваться, если последний из группы арестован, и нет больше надежды сообщить на землю о своей судьбе? Во-вторых, группа их никогда не была, что называется, командой. «Автономные наблюдатели» – так называлась их должность – работали каждый сам по себе, в разных городах, по разным ведомствам. Их не связывала дружба; шестеро из десяти были едва знакомы между собой, случись им встретиться нежданно, на улице, могли и не признать друг друга. Но встречались они редко.

Временами, в межзакатье, сидя один в своей «конспиративной квартире» (так он называл своё жильё для забавы) доктор Гвейран, он же ксенобиолог Вацлав Стаднецкий, испытывал острую тоску одиночества, и всё вокруг казалось чужим и чуждым, надоевшим почти смертельно. Хотелось бросить к чёрту эту работу, этот несчастный больной мир, вернуться туда, где

по земле можно ходить не опасаясь, что она разверзнется под твоими ногами чёрной топью, где не воют по ночам сирены оповещения, на головы спящих не валятся бомбы и не ездит по черным искорёженным улицами неуклюжий автозак с металлической сеткой вместо окон. В такие минуты он готов был хоть тысячу дореформенных скалей заплатить за встречу с кем-нибудь из пришельцев... Да, именно так он про них, земляков, и думал: «пришельцы». И значения этому не придавал. А это был симптом.

Из сорока с небольшим лет жизни своей, на родной Земле Вацлав провёл лишь первую половину, даже чуть меньше, если засчитывать стажировку. Вторая принадлежала Церангу. Наблюдатели приходили и уходили, сменяя друг друга – он оставался. Биологу, изучающему мутагенные процессы, было чем заняться на этой несчастной планете. И на исследования требовалось время – не год, не два. Чем дольше, тем лучше.

За двадцать лет он покидал Церанг раз шесть-семь: летал в отпусках, летал на симпозиумы, и на защиту... Выдерживал на родине, самое больше, месяц. Потом тянуло назад. Ему казалось – скучает по работе. Но, наверное, тут было что-то другое. Почему-то жизнь земная начинала казаться какой-то... глуповатой, что ли. Будто придуманной нарочно. Благополучие раздражало, возникали злые мысли типа: «Вас бы сейчас под бомбы, вот бы я посмотрел...». Тогда он спешил вернуться на Церанг.

И вот теперь, оказавшись среди *настоящих* людей Земли (после него, Гвейрана, самый большой стаж на планете из их группы имел Имарн-Краснов – четыре года всего то! – остальные и вовсе необстрелянные новички из нового набора, чёрт бы побрал этот новый набор!) – он вдруг очень остро почувствовал, что не воспринимает себя как *одного из них*, смотрит, наблюдает со стороны, будто за чужими. Только что отчёт не составляет в уме!

Контрразведка работала оперативно. Всю группу, разбросанную по городам и весям Арингорода, вычислили месяца за три. Так что сидели они недолго. И условия были вполне приемлемыми. Не пятая камера, конечно, но жить можно. Обстановка напоминала, скорее, казарменную, чем тюремную. Стены, крашенные в бледно-жёлтый цвет, серое пластиковое покрытие на полу. Кровати в два яруса – именно кровати с пружинами, а не жёсткие нары. Стол, покрытый клеёнкой, и табуреты вокруг. Отдельный туалет и душ. Отдельная комнатка для двух женщин, входящая в общий холл с длинным жёстким диваном и маленьким телевизором напротив. И неважно, что показывают по нему сплошную государственную пропаганду и сомнительную хронику военных успехов, главное, нет ощущения полной изоляции от мира... Или есть? Ведь сокамерников его интересует совсем другой мир – что им до этого?

Так или иначе, кормят их здесь неплохо. До сих пор в помещении стоит запах вареной рыбы – на завтрак давали. А кто, ответьте, на воле может позволить себе рыбу, в наше-то время? На допросах не бьют, сами сказали. Тогда какого чёрта психовать и беситься? Это непрофессионально, в конце концов!

Отчуждение возникло сразу, едва Гвейран переступил порог камеры. Во-первых, он осознал, что винит коллег за провал. А как не винить? Наверняка, кто-то один, из новичков, допустил промах, попался – и пошло-поехало. Расстреляют теперь всех, и двадцать лет работы коту под хвост!

Во-вторых, не успел он войти, к нему, вместо приветствия, кинулись с расспросами: «Ну что? Успели сообщить на Землю? Послали СОС?» И как бы он интересно, успел, если связь с Землёй возможна теперь лишь раз в четыре месяца, до ближайшего выхода осталось ещё две недели, и им всем это прекрасно известно? А если бы и успел – что с того? Никто не станет штурмовать Генеральный штаб инопланетного государства ради кучки землян-неудачников. Автономный наблюдатель в полевой обстановке может рассчитывать только на себя, и должен быть готовым погибнуть в одиночку. Это называется профессиональный риск, каждый из присутствующих о нём предупреждён. Тогда к чему болтать зря и питать несбыточные надежды? Ему очень хотелось высказать это вслух, но он сдержался, промолчал, чтобы не

обострять отношений с первого же дня – неизвестно, сколько ещё придётся пробыть вместе. Сослался на утомление с дороги, и залез на верхний ярус, носом в стену.

...Люди долго и нервно галдели меж собой, обсуждали, видно, в сотый раз, своё положение, и шансы на спасение, и причины провала – ему уже не хотелось слушать. Потом начали сочинять глупости. Оказывается, цергард Эйнер (о нём, видимо, заслуженно, говорили с ненавистью, именовали не иначе, как «этот инквизитор» или «гестаповец») не только вызывает арестованных к себе в кабинет, но и сам заходит к ним в камеру, причём без всякой охраны. Теперь, когда они все вместе, не взять ли его в заложники, выбраться на волю, и постараться прорваться к челноку, так неудачно оказавшемуся за линией фронта, на территории, захваченной Квандором? Господи, какая чушь! Неужели они ни разу не задались вопросом: почему в этой стране тюремщики так смело входят в камеры, совершенно не опасаясь быть захваченными? Да потому что не бывает такого! Лишено всякого смысла. Самоубийственно. Уже более двадцати лет действует нерушимый закон: заложников не спасать, уничтожать немедленно вместе с теми, кто их захватил. И если бы даже дрогнула рука у кого-то из подчинённых, открыть огонь ему приказал бы сам цергард Эйнер – именно так он и поступил бы, Гвейран в этом не сомневался ни на миг – и приказ был бы исполнен...

Принесли обед, стали выдавать через маленькое окошко в стальной двери. Печёные овощи в кожуре. Без соуса, всё равно вкусно. Гвейран любил хверсы, по вкусу они напоминали чуть сладковатый, мылкий картофель. Земляне кривили рот и жаловались на однообразие тюремной кухни... А на бескрайних просторах Церанга, от Северного океана до Южного, в эту самую минуту тысячи коренных обитателей планеты мёрли от истощения, как гнус по осени... Сделалось совсем тошно.

Так и провалился до ночи, без дела и полезных мыслей. И обитатели камеры, видя такое поведение нового товарища по несчастью, притихли, стали заботливо-вежливы, решив, что бедняга в шоке из-за ареста, и надо дать ему время успокоиться, прийти в себя. В общем, они были совсем не плохие люди. Только наивные не по годам.

Следующий допрос был утром, но не слишком ранним, ближе ко второму восходу. Понятно, что видеть эти самые восходы обитатели нижних уровней здания никак не могли, и некоторых из арестованных это страшно угнетало. Одна из женщин, ксеносоциолог Марта Ли, даже плакала по утрам, причитая, что хочет в последний раз увидеть солнышко, хоть бы раз на прогулку вывели, гады! Гвейран, услышав, только плечам пожал в недоумении: большее, что она могла увидеть наверху – это Акаранг с Гразендой, и вряд ли два чужих светила – одно огромное и тускло-оранжевое, другое – как крошечная, ослепительно-белая точка, могли повлиять на её психику благотворно.

Цергард Эйнер встретил его всё в том же огромном кресле. Сидел, обхватив рукой одно колено, и до безобразия фальшиво насвистывал «марш кровавых ножей». Увидел Гвейрана, перестал свистеть и пожаловался:

– Привычка дурная, денег не будет, – потом спросил буднично, будто не о тюремной камере речь шла, а о номере в гостинице. – Ну, как устроились на новом месте?

– Спасибо, – отвечал Гвейран с достоинством, – неплохо.

Цергард рассмеялся неизвестно чему.

Выглядел он получше вчерашнего, носом хлопал меньше, но в лице оставалась нездоровая бледность, и губы отливали синим. «Анемия», – подумал Гвейран; кроветворные органы мутантов работали замедленно, этого никакими тренировками не исправить.

– Вы бы ели побольше красных овощей, – посоветовал он, – вам пойдёт на пользу.

Цергард снова усмехнулся.

– Спасибо, учту. А вы передали вашим соплеменникам, что я просил?

– А что вы просили? – озадаченно спросил Гвейран, он в самом деле забыл.

– Ну, как же? Насчёт мер воздействия! – он немного помолчал. – Знаете, я честное слово, не понимаю, ну чего вы упираетесь? Делаете тайну из того, что давно перестало ею быть? Поймите, ведь никого из вас ещё не допрашивали *по-настоящему*. А когда станем – ни один из вас не выдержит. Вы не представляете, какая это боль, когда клещами с пальца срывают ноготь... – тут он почему-то бросил взгляд на собственные пальцы левой руки, – а ведь это меньшее из того, что имеется в арсенале пыточной камеры. И болевой порог у вас примерно тот же, что у людей, мы проверяли...

«На ком, интересно? – подумалось Гвейрану. – Надо будет спросить».

Эйнер говорил убийственно-спокойно, вроде бы даже с лёгкой грустью, в его манерах и впрямь было что-то иезуитское. Никаких эмоций. Ничего личного. Просто работа, которую он привык делать хорошо.

– Послушайте, я должен вам это сказать. Не знаю, кто вы, зачем пришли к нами, чего хотите... Но вы, лично вы, мне нравитесь, мало того, я вам отчасти обязан. И применение пыток я начну не с вас. И мне вообще очень хотелось бы обойтись без этого. Но как бы вы поступили на моём месте? Если честно?

– Я вас не понимаю, – стоял на своём Гвейран, хоть и понимал, что это уже глупо. – Я не знаю, что вы хотите услышать. Я лояльный гражданин, я врач.

– Вы упрямое животное ишак, – заключил цергард с обидой. – Вы знаете, кто такой ишак? Гвейран утвердительно кивнул, и его увели. Но с полдороги вернули.

– Те существа в камере встретили вас как знакомого, хотя по документам, между вами не может быть ничего общего. Между собой вы говорите на неизвестном языке, не похожем ни на один из Церангских...

«Идиоты! – мысленно выругался Гвейран. – Могли бы догадаться о прослушке!»

– ... вы же не станете этого отрицать?

– Стану, – тупо упрямылся «лояльный гражданин» – Я буду отрицать всё.

– Жаль. Я был о вас лучшего мнения. Мне казалось, вы отличаетесь от остальных.

«О господи! Неужели это так заметно?»

Цергард врал. Никакие пытки он применять не собирался. Но не по доброте душевной. Если честно, он и вправду не любил этого дела, потому что знал, на себе испытать пришлось, каково оно. Но если ситуация вынуждала, он без колебания давал команду палачам, и сам присутствовал при пытках, и умел сохранять равнодушный вид, глядя на чужие мучения. Смотрел, как воют и корчатся от невыносимой боли шпионы Квандора или Набара, и никакой жалости не испытывал, потому что видел в этот миг не их изуродованные страданием вражки физиономии, а чёрное от болотной грязи лицо Прави Иг-ата, с дыркой промеж бровей, с сухарём в зубах. Видел кучи трупов у обочин понтонных дорог – расстрелянные колонны беженцев. Видел дымящиеся развалины домов. И белую руку с тонкими пальцами, торчащую из-под бетонной плиты – он узнал бы её из миллиона рук... Он умел ненавидеть врагов.

Но он не был уверен, что пришельцы – враги.

Инопланетяне придуманные, книжные, обычно делились на две категории. Первая – это чудовища, задумавшие захватить мир. Вторая – раса благородных существ, представителей высшей цивилизации, несущих цивилизациям низшим добро и свет спасения. Обитатели камеры 7/9 не походили ни на тех, ни на других. Больше всего они напоминали обычных церангаров, и не потому, что так хитро маскировались, а по сути своей.

В первые недели он часами посиживал у монитора, наблюдая их камерную жизнь: как они едят и спят, и моются, и пользуются «удобствами». Слушал, как болтают на чужом, уже почти расшифрованном языке (лингвисты, работающие с записями, сразу сказали: никаких осложнений не предвидится, структура примитивная), как ругаются и впадают в отчаяние... Именно так вели себя обычные заключённые, причём не настоящие вражеские агенты, прохо-

дившие по его, Эйнера, ведомству, а те несчастные обыватели, что по идиотским подозрениям или соседским доносам попадали в лапы людей Кузара или Репра.

Порой он переставал верить самому себе, начинал сомневаться, заставлял проверять снова и снова. Не были они людьми, хоть ты тресни! И доказательств их внецерангского происхождения имелся целый вагон – документы, анализы, звукозаписи, странные вещички, изъятые при арестах. Всё по мелочи. Достаточно, чтобы убедить любого здравомыслящего человека. Но недостаточно для Совета Цергардов, только и мечтающего найти повод, чтобы его, Верховного цергарда Эйнера, сместить с должности.

А повод, по закону, самим же Советом написанному, был только один – душевная болезнь. (Измену Отечеству в расчёт можно не принимать, уж этого-то обвинения ему никто никогда не пришьёт!) Можно себе представить, как образовались бы цергарды такому подарку, если бы соратник Эйнер вдруг во всеуслышание заявил, будто обнаружил на планете разведгруппу из иного мира! Как вцепились бы в него, наплевав на все записи, анализы и штучки!

Нет, доказательство существования пришельцев должно выглядеть эффектно, чтобы его можно было продемонстрировать всенародно, чтобы не скрыть факт, не замолчать.

И он давно бы уже добыл его, если бы пустил в ход то, что на канцелярском жаргоне контрразведки деликатно именуется «спецсредства для ведения допроса». Но после них – на какую помощь можно будет рассчитывать, если намерения пришельцев изначально были добрыми? Вдруг они умеют осушать топь, останавливать мутагенные процессы, прекращать войны? Вдруг они явились, чтобы поделиться достижениями своей цивилизации с... как там в книжках пишут? С «меньшими братьями по разуму». Вряд ли добрые их намерения останутся неизменны после личного знакомства с пыточной камерой... Тем более, один неприятный инцидент уже был. Несчастный случай, конечно, никто в нём не виноват. Но отношения лучше не обострять, по крайней мере, до тех пор, пока не выяснится, что на многострадальную планету нацелились космические захватчики...

В общем, не гуманистические соображения двигали цергардом Эйнером, а самые что ни на есть прагматические. И применять физическое воздействие он не решался, только пугал. Пока. До поры, до времени. А дальше – как сложится. Война план покажет.

* * *

Рабочее совещание было назначено на пятое число месяца арн, (сорок восьмой день зимы по новому стилю) на второй час межвосходя – такая рань! И чего соратникам не спится?

Идти не хотелось. Дураку было ясно: «обсуждение ситуации на южных направлениях» – это только повод. Какая там «ситуация» и что её обсуждать? Линия фронта стоит на месте с самой осени. Идут вялые бои за высоты. Ни одной из сторон не хватает сил на прорыв, и долго ещё будет не хватать – до начала лета. Придёт тепло, растает топь, и весь северный фронт станет, превратившись в непролазную трясиину. Тогда оттуда можно будет перебросить на юг вторую ударную армию форгарда Даграна, и отхватить у Набара изрядную территорию тверди для посадки хверсов. Осенью урожай соберут, Дагран уведёт армию на север, на старые позиции, набарцы отобьют свои высоты – и всё вернётся на круги своя. Так происходит уже три года подряд, и Совету Цергардов обсуждать тут решительно нечего.

Поэтому речь на совете пойдёт о другом. О том, чтобы призвать к порядку цергарда Эйнера. Не даёт покоя Верховным соратникам его персона, ну что ты будешь делать!

А ведь сами, сами виноваты! Мало им показалось личной власти, мало почестей, сравнимых с императорскими! Захотелось и потомство пристроить на тёпленькое отцово местечко!

Когда-то, в короткие довоенные годы, цергардов в Совет Генштаба назначал министр обороны, утверждал президент. Времена быстро изменились. Процедура стала обратной, должность Верховного цергарда – пожизненной. А дальше что? Как быть в случае смерти Верхов-

ного? По конституции Арингорада, действовавшей года два от силы, – слово за министром обороны. Слово, которое давно ничего не значило, превратилось в пустую формальность.

Устаревший закон было решено изменить. Новый давал каждому из членов Совета право, самому назначить будущего преемника. Дело провернули быстро – каждый думал о судьбе подрастающих детей. Семь голосов было отдано «за», лишь двое голосовали «против»: цергард Сварна, наследников не имевший, и друг его, цергард Реган, потомственный имперский офицер, всегда ставивший государственные интересы превыше личных.

Вот тут и попались они в собственноручно вырытую яму! Кто же мог предвидеть, что именно он, Реган так скоро покинет этот мир, глупо подорвавшись на вражеском (или всё-таки *не* вражеском?) фугасе в прифронтовом районе? Если бы не спешили они, если бы подождали с законом год-другой, ведь было же время, нестарые всё люди – тогда вышло бы иначе. И это юное чудовище, Эйнер Рег-ат, мутант-выродец с глазами профессионального убийцы и замашками диверсанта-смертника, никогда не занял бы место отца.

Никто не верил, что это произойдёт. Реган сына ненавидел – это видели все вокруг. Он хотел от него избавиться, это было очевидно каждому. Отцовскими стараниями, мальчишка прошёл через всё: рабочий лагерь, фронт, пытки... В результате, хрупкое и болезненное «дитя болот», вместо того, чтобы умереть, как тысячи других, плотью превратилось в человека, духом – в нелюдь. Он стал опасен.

Совет ахнул, вскрыв пакет с завещанием Регана. Такого они не ждали. Ярый противник наследования должностей, будто издеваясь, будто в отместку, назначил преемником собственного сына! К власти пришёл мутант. Он по природе своей не мог смотреть на вещи так, как принято среди людей. И жить по человеческим правилам не желал – устанавливал собственные. Народу не нужен был такой правитель.

Оспаривать завещание никто не посмел – это создало бы прецедент на будущее. Попытались решить проблему в обход закона и устава – покушение организовали! Опытных людей нашли. Только принадлежали они, как скоро выяснилось, ведомству покойного Регана, и за отпрыска его готовы были кому угодно зубами глотку перегрызть, хоть всему Совету. Страшные были люди! Закон для них не существовал, только слово командира.

От радикальных мер пришлось отказаться. Можно было подобрать других убийц, закончить дело. Но в этом случае, никто из Верховных больше не мог считать себя в безопасности. Кровь за кровь – это им очень ясно дали понять. Оставалось одно: огрызаться по мелочи, вставлять палки в колёса бесконечными нападками и каверзами. И ждать своего часа – вдруг повезёт?

... Цергард Репр нехотя вылез из постели. Набросил на плечи просторный набарский халат прямого покроя. По чёрному блестящему атласу были вышиты волооченным золотом удивительные листья и цветы, ни на какие из известных растений не похожие – то ли на юге так глубоко зашли процессы мутации флоры, то ли диковины эти были созданы исключительно фантазией тамошних мастериц. Халат этот Репр не любил, носил редко: хоть и был он роскошен до невозможности, и стоил целого состояния, но вышивка кололась с изнанки. Вчера он надел его ради той, что сейчас лежала в его постели и спала, свернувшись уютным комочком, под черным, в тон халату, пуховым одеялом. Была она молода – в дочери годилась – и красива. И покидать её Верховному решительно не хотелось.

Недовольным голосом окликнул он ординарцев, велел подать бельё и мундир. Определённо, он не пошёл бы сегодня на совещание, если бы не был, что называется, героем дня. Это его люди наблюдали и докладывали о каждом шаге соратника Эйнера. Именно они расследовали все подробности ночного происшествия на трассе Крум-Арингор. Репр локти кусал с досады, узнав, как близко к гибели был проклятый мальчишка – и выкрутился-таки, гадёныш!

Но на совете ему предстояло сыграть совсем другую роль – этакого заботливого старшего товарища, пекущегося исключительно о благополучии юного соратника, престиже власти и

благополучии Отечества. Хотя в действительности, было ему глубоко наплевать и на первое, и на второе, и даже на третье. На первом месте у цергарда Репра всегда стояло благополучие собственной семьи, и ничего предосудительного он в этом не видел.

У него давно было всё просчитано.

По закону, один из сыновей должен был когда-нибудь сменить в Совете отца. Второму место тоже было обеспечено. Соратник Сварна долго не протянет, это трегард Грасс утверждал со всей ответственностью. И если бы Репр захотел, он вполне мог бы процесс ускорить. Но этого пока не требовалось – мальчики были ещё слишком молоды для большой власти. Пусть Сварна живёт пока, держит место для преемника. А в том, что преемником этим он назначит сына соратника Репра, можно не сомневаться. И неважно, что дружбы между двумя цергардами ровно столько, сколько бывает у ядовитых пауков-сфидр, запертых в одной банке. Сварна сделает это не ради Репра – ради своего любимого Эйнера. Потому что не дурак, и понимает, какие именно мотивы движут чадолюбивым его соратником, почему он спит и видит, как бы изгнать Рег-ата из Совета.

Сварна думает так: если оба сына Репра будут определены, тот, наконец, успокоится, оставит мальчишку в покое... Пустые надежды! Того не знает цергард Сварна, и никто в Совете не знает, что есть у их соратника третий сын. На западе страны, в городке с забавным названием Мугур (степной сурок), подрастает замечательный мальчишка. Хоть и далёк он, но любим отцом не менее двух старших, а как же иначе? Кровь от крови, плоть от плоти... Почему же он должен быть обделён?...

Вдохновлённый этой идеей, цергард наскоро облачился в парадный мундир и поспешил наверх, бормоча себе под нос заготовленную ещё с вечера обвинительную речь.

Совещание было объявлено закрытым, но Совет собрался в зале Церемоний. Потому что в Рабочем, где они обычно собирались узким кругом, недавно начали ремонт. Официальной причиной ремонта была названа необходимость замены электропроводки, вмонтированной в стены. Правда же состояла в другом. Что-то стукнуло в голову подозрительного не в меру цергарда Эйнера, и он велел своим людям проверить помещение на предмет прослушивающих устройств. Те добросовестно выполнили приказ, и обнаружили упомянутых устройств столько, что Совет за голову схватился, выслушав доклад. Почему-то каждый из Верховных воображал, будто замечательная идея установить «пиявки» в Рабочем зале, дабы иметь возможность, отлучившись, подслушивать, что говорят о нём соратники за глаза, пришла в голову только ему одному.

Разумеется, все сделали вид, будто не имеют к шпионским приборам ни малейшего отношения и вообще, страшно возмущены. Благодарили соратника Эйнера за бдительность (надо было видеть при этом их кислые физиономии!). Уже на следующий день три бригады ремонтников монтировками сдирали со стен зала богатые, натурального дерева панели, дотоле так удачно скрывавшие от посторонних глаз дорогую суперсовременную аппаратуру.

Зал Церемоний был в этом смысле безопаснее, в нём прежде не велось кулуарных бесед – только расширенные заседания и праздничные мероприятия государственного уровня.

Названию и назначению своему помещение соответствовало в полной мере, роскошь его парадного убранства живо напоминало о жестоких, но великолепных временах Империи эпохи Тараг, когда красота ценилась больше человеческой жизни.

На стенах здесь тоже было дерево, но не светлый калып, а благородный тёмный савель с поверхностью, чуть бархатистой на ощупь, с узорчатым рисунком годовых колец и особым тонким запахом, сохраняющимся долгие десятки лет. Даже в довоенные времена реликтовый савель был большой редкостью. На территории Федерации произрастало всего несколько заповедных рощ общей площадью не более сорока лекнаров, и заготовка леса в них была запрещена под страхом расстрела. Древесина, украшавшая стены зала Церемоний, была вывезена из

империи Сфу, очень может быть, что контрабандой, потому что законы южан были не менее строги, чем у северного их соседа.

Первые же ядерные удары нанесли природе континента такой урон, что драгоценным стал не только савель и калып, но даже простая амарга, которая прежде шла разве что на постройку сараев. Вот почему у всякого, кто впервые попадал в зал Церемоний, дух захватывало при виде его несметного богатства.

Весь остальной интерьер был под стать стенам: мозаичные полы старинной работы (перенесены из разрушенного императорского дворца и восстановлены почти полностью) вычурная белая лепнина по карнизу (точная реплика с дворцовой же), обтянутая чуть потёртым, но благородным бархатом мебель на витиевато изогнутых ножках. И совершенно невероятная люстра – тысячи хрустальных подвесок, ниспадающе каскадом с широких серебряных обручей.

Люстру эту Репр не любил, подозревал, что однажды она непременно грохнется вниз под собственной тяжестью, прямо на головы сидящим; он старался держаться от неё в стороне. И ещё его стал раздражать потолок – недавно его зачем-то выкрасили в густо-малиновый цвет, отчего помещение стало казаться низковатым, нарушились изначально гармоничные пропорции. Тяжёлый потолок давил на психику, становилось неудобно.

Точно в центре зала стоял на одной толстой ноге большой овальной стол из чёрного шлифованного камня. Хороший стол. Цергарду нравилось во время заседаний изучать собственное отражение в зеркально-гладкой столешнице, нравилось, то, что он там видел. В отличие от большинства соратников, он, Репр, не раздобрел от излишеств, не обрюзг от груза прожитых лет, не утратил подвижности от работы, в которой немалая нагрузка приходится, помимо головы, и на и другую, прямо противоположную и менее благородную часть тела. Он оставался тем же стройным, подтянутым боевым офицером, каким пришёл в этот зал впервые, два десятилетия назад – молодавым, с квадратным подбородком и чётким рельефом мускулов. А разные неприятные мелочи, вроде тяжёлых мешков под глазами и залысин на висках, на отражении были не видны. Очень, очень удобный стол.

Рядом стояли кресла с высокими спинками и подлокотниками – места для членов Совета. Прежде, в самом начале истории Федерации, они не были закреплены за кем-то из них конкретно. Верховные церграды рассаживались вокруг стола каждый раз по-разному, без всякой системы. Таким способом подчиненным давалось понять: в Совете все равны, никакой иерархии. Но была и ещё одна причина: когда возможные недоброжелатели не знают, какое из кресел ты займёшь в следующий раз, им труднее подложить бомбочку тебе под сидение. Но со временем нравы в Совете сделались более цивилизованными, грубые покушения ушли в прошлое, и каждый облюбовал себе определённое место в соответствии с собственными предпочтениями – один любил сидеть лицом к выходу, другой наоборот, спиной, у третьего находились ещё какие-нибудь капризы...

По округлому периметру зала тоже были расставлены ряды кресел, невысоких и неудобных, нарочно сконструированных таким образом, чтобы сидящий оставался в постоянном напряжении. Потому что никто не должен расслабляться в присутствии Верховных, это непозволительная вольность. Радиальные проходы между креслами образовывали девять секторов – по числу ведомств. Лица, допущенные на заседание, размещались так, чтобы находиться за спиной главы своего ведомства. На всякий случай.

...Конечно, он опоздал. Потому что, сохранив офицерскую выправку, пунктуальность офицерскую давно утратил за ненадобностью. Соратники уже нервничали. Рассмотрение первого вопроса много времени не заняло – и впрямь, что там рассматривать? Спектакль заканчивался, а главное действующее лицо до сих пор не появилось!

– Извините за вынужденную задержку, господи! – Репр лихо щёлкнул каблуком по мозаике, и печатая шаг, прошествовал к свободному креслу. – Дело государственной важности... Итак, на чём мы остановились.

– На том, что дороги стали небезопасны из-за бронзоггов, – услужливо, но со скрытой иронией, подсказал цергард Кузар. – Это мешает подвозу провианта к линии фронтов...

– Да, кстати о дорогах! – перебил Репр, будто бы вспомнив. – Простите, соратник Кузар... Так вот о дорогах. Может быть, соратник Эйнер смог объяснить бы нам, что такое случилось на крумской трассе в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое? – ну, никак не мог он привыкнуть к новому календарю, хоть и был главным инициатором его недавнего ведения!

Молодой цергард откинулся на спинку кресла, медленно обвёл собравшихся холодным взглядом своих нечеловеческих серых глаз. Губы его дрогнули в еле заметной усмешке.

– А что же такое там случилось, что могло бы вас заинтересовать? Право, не понимаю, господи соратники.

Репр поморщился: «Понимаешь ты всё, мальчик, понимаешь прекрасно. Просто тебе хочется поиграть. Ну, что ж...». Он обернулся к адъютанту:

– Зачитайте, пожалуйста, доклад.

– Двадцать девятого числа месяца руг на седьмой трассе Крум-Арингор, в десяти акнарах от Крума нарядом блокпоста номер семь дробь шесть обнаружены следы боестолкновения сил контрразведки с вооружённой группой мутантов. В результате подрыва фугасов были уничтожены три машины конвойного сопровождения. Тела погибших не найдены... – читал регард скучным голосом, его никто не слушал, всё это было известно уже давно.

– Что скажете на это, соратник?

Эйнер развёл руками – сама невинность.

– А что же вы хотите услышать? Я, конечно, разделяю ваши чувства относительно погибших, но война есть война, и жертвы неизбежны. Они были солдатами, и с честью выполнили свой долг перед Отечеством. Я на следующий же день распорядился о посмертном награждении и выдаче семьям единовременного пособия...

– Да перестаньте! – Репр позволил себе выказать досаду. – Мы говорим не о судьбе конвоиров! Мы говорим о вашем личном участии в этой истории!

– Правда?! – изумился Эйнер, и глаза его стали ещё больше. – А об этом-то что говорить? Я, как видите, свой долг перед Отечеством ещё не выполнил, награждать пока рано...

Репр выдержал его взгляд, заговорил тихо и отдельно, обращаясь к присутствующим.

– Двадцать девятого числа служебная машина цергарда Эйнера была оставлена в общем автопарке для ремонта. Господи, я лично осмотрел его «велардер». Решето, иначе не скажешь. Стёкол нет, стены во вмятинах, в салоне заматы следы крови. Израсходовано десять пулемётных лент. Водитель убит. А соратник Эйнер уверяет, будто ничего не случилось... как ваше плечо, соратник?

– Спасибо, прекрасно! – он энергично помахал рукой в доказательство своих слов – ни один мускул в лице не дрогнул – Военная медицина творит чудеса! Соратник Дронаг, примите мою благодарность, ваше ведомство работает замечательно.

Цергард Дронаг вздрогнул, сбитый с толку. Он не понимал, издевается соратник Рег-ат, или в самом деле благодарит. Промычал в ответ что-то невразумительное, лишь бы отвязались – юный мутант его пугал. Кое-кто из присутствующих рассмеялся.

Пора, решил Репр и заговорил, горячо, вдохновенно, и тем, кто плохо знал его, могло показаться – совершенно искренне. Он говорил о священном долге и о том, как именно нужно этот долг выполнять. О том, что молодость – пора безрассудства, юных всегда влечёт на подвиги и приключения, но высокое положение накладывает определенные обязательства, игнорировать которые никто не в праве. О том, что жизнь каждого из девяти Верховных принадлежит не им лично, а народу и Отечеству. Вспоминал о неосторожном поступке соратника

Регана, приведшего к безвременной гибели народного героя и нанёсшего – «да-да, не побоюсь это сказать» – большой удар обороноспособности страны.

– Боженьки мои, как трогательно! – всплеснув руками, не менее «искренне» воскликнул цергард Эйнер. – Как же нам всем не хватает дорогого цергарда Регана!

Тут Репр нашёл уместным «сорваться». Вскочил с кресла, свёл к переносице свои красиво изогнутые тёмные брови, заиграл крепкими желваками скул.

– Вы бы, молодой человек, не паясничали, когда речь идет о вашем собственном отце – в голосе его лязгал металл танковой брони. – Цергард Реган пал смертью храбрых на поле боя, и все мы скорбим о нём. Вы же в ту ночь моли погибнуть бесславно, по собственной глупости – пойти на корм безумным вырождакам! Как пошли те, кто был с вами, за чью гибель вы в ответе!... – он сделал паузу, ожидая реакции обвиняемого, но её не последовало, мутант сидел молча, и странная полуулыбка не сходила с его бледного лица. Реган скрипнул зубами, и продолжил. – Нет, я понимаю, на долг перед страной вам наплевать, и на людей своих наплевать. Но есть ещё такая вещь – инстинкт самосохранения, присущий всем *нормальным* живым существам, – он сделал упор на слове, и улыбка Эйнера стала шире, будто он услышал комплимент. – Не знаю, говорил ли кто вам, но вы, порой, производите *странное* впечатление, соратник! Очень нездоровое впечатление! Вы ведёте себя как...

«Безумец» – хотел сказать он. Ради этого слова он и затеял весь сегодняшний разговор. Но его перебили.

– Как артавеновый наркоман? – ласково спросил Эйнер, глядя снизу вверх.

И сердце Репра упало. Потому что никто на свете не должен был знать, где именно находится в эту самую минуту его средний сын, Паргер Реп-ат, и от чего именно лечится.

Красивое смуглое лицо цергарда заметно побледнело, но он смог справиться с нервами, вряд ли присутствующие заметили перемену в его состоянии. Ответил мстительно:

– Я имел в виду: как *сумасшедший*. Потому что только сумасшедший может быть столь безрассудным. Ваш отец, что уж греха таить, тоже был склонен к неоправданному риску, но он, по крайней мере, мог оставить после себя преемника, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование вверенных ему ведомств. Вы не можете сделать даже этого. Вы не оправдываете его надежд, Эйнер Рег-ат! – закончил он победно. Что может быть хуже, чем сын, не оправдавший родительских надежд?

Обвиняемый медленно встал. Придал лицу выражение глубокой серьёзности. Заговорил смиренно:

– Жаль, что происшествие видится вам в столь трагическом свете, соратник Репр, и я признателен вам и за беспокойство, и за искренние слова. Но что касается моего поведения... Простите, господа, вплоть до последних трагических событий я действительно наивно полагал, что крумская трасса совершенно безопасна, как неоднократно уверял нас соратник Кузар. Кто же мог подумать, что доверие к его словам – признак сумасшествия? А насчёт преемника – тут вы зря тревожитесь, дорогой соратник Репр. Почему вы решили, что я такового не назначил?

Вот тут он не смог сдержать эмоций, и сам, сам безнадежно испортил так хорошо начатое дело!

– О чём вы говорите?! – вырвалось с испугом. – У вас же нет сына! А если бы и был... Его возраст...

– Да при чём тут сыновья, господа? В законе ясно сказано: «Верховный цергард вправе назначить преемника по своему усмотрению, руководствуясь соображениями...» и так далее. О степени родства ни слова! Вы зря считаете меня столь легкомысленным, соратник Репр. Я вполне осознаю всю степень ответственности, возложенную на меня героическим моим отцом, и уж конечно позаботился о том, чтобы в случае моей преждевременной гибели (война есть война, господа!) бесперебойное функционирование вверенных мне ведомств не было нарушено. Преемник давно назначен, причём не один, а несколько, в указанном порядке: случись

что, не допустите боги, с одним – уже подготовлен другой. Вы можете быть совершенно спокойны, дорогие соратники! – он одарил присутствующих очаровательнейшей улыбкой, но это была улыбка хищника.

– Так может быть, вы назовёте нам их имена? – процедил Репр хрипло, он сознавал, что битва поиграна, но не мог отступить так легко.

Цергард Эйнер скорбно вздохнул.

– Но это может быть опасно, господин соратник! Кругом враги, вам ли этого не знать! Зачем подвергать людей напрасному риску? Согласитесь, ведь и сами вы склонны лишний раз не называть имён! – тут он взглянул так выразительно, что Репр вдруг ясно понял: замечательный мальчик из Мугура давным-давно перестал быть тайной.

Он хотел сказать что-то ещё, как-то повернуть ситуацию в свою пользу, но не успел. Резкие, неприятные звуки нарушил тишину, на мгновение повисшую в зал Торжеств. Это хлопал в ладоши цергард Ворогу, медленно, раздельно. И из трубки его, вставленной вместо выжженного когда-то горла, доносился отрывистый лай – цергард Ворогу смеялся. А отсмеявшись, проскрежетал:

– Думается мне, настала пора прекратить совещание, господа соратники. У всех нас есть дела.

Так сказал он, и господа согласились. Потому что слово Ворогу Пор-ата значило очень много в Совете цергардов, хоть и сидели все девять за одним овальным столом, что по-прежнему символизировало полное отсутствие какой бы то ни было иерархии.

...День оказался интересным – давно такого не выпадало. Утреннее совещание заставило цергарда Ворогу задуматься.

Постарели, постарели господа офицеры! Зажрались, утратили былую хватку контрразведчики, некогда так лихо узурпировавшие власть в стране! Погрязли в междоусобных интригах, и семейных делишках... А мальчишка молодец, ничего не скажешь. Реган Игин-ат, чтоб ему в лучшем мире костью подавиться, вырастил достойную смену! С отцом было непросто – с сыном будет ещё сложнее. И пока не стал поздно, нужно решать, что делать с ним дальше – возвысить или уничтожить...

* * *

Несколько дней агард Тапри не мог прийти в себя, жил как в полусне. Вокруг него что-то происходило, помимо его воли и осознанного участия. Какие-то доброжелательные, услужливые люди, все выше него по званию, устраивали его судьбу: оформляли документы, выправляли пропуска, снимали мерки, снабжали имуществом и продовольственными карточками... Он исполнял их рекомендации и советы – да-да, именно советы, а не приказы! – с добросовестностью механической куклы, а сам всё не мог поверить обрушившемуся на него счастью. Казалось, вот сейчас он проснётся, и всё вернётся на круги своя, и вместо недостижимых высот Генерального Штаба опять будет обычное отделение контрразведки Крума, сонное и обшарпанное, где ему, по большому счёту, и место. И это будет только справедливо, потому что не совершил он в жизни своей ничего выдающегося, ничем не заслужил столь внезапного и стремительного взлёта.

Всю же головокружительную высоту этого взлёта Тапри осознал лишь на пятый день новой службы, когда его по внутренней связи вызвали в верхнюю общую приёмную. Он не знал куда идти, спасибо какой-то незнакомый регард, человек средних лет с манерами чуть развязными, но дружелюбными, заботливо проводил его под локоток. И там, в приёмной, Тапри увидел не кого-нибудь – начальника крумского отделения контрразведки, форгарда Сорвы, собственной персоной!

Прежде форгард Сорвы не обращал на скромного агента ни малейшего внимания; если он и знал о существовании младшего агарда Тапри-без-отца, то потому лишь, что не так много «детей болот» состояло на службе секретного ведомства. Теперь же старший офицер проделал весь трудный, опасный путь от Крума до столицы с той лишь целью, чтобы лично передать бывшему подчинённому чемоданчик с ненужными его вещами, беззаботно брошенными в крумской казарме, и сухим пайком на неделю вперёд («мы пока Вас с довольствия снять не успели»)!

Правда, одним чемоданчиком дело не ограничилось. Агард глазам и ушам не своим не поверил, когда форгард Сорвы вытянувшись во фрунт и молодецки щёлкнув каблуком, испросив позволения (в ответ на что Тапри смог лишь сдавленно пискнуть), вручил ему «памятный скромный подарок».

Это был офицерский пистолет системы «руфер», новейшей модели, только в прошлом году пущенной в производство – такого и у самого цергарда Эйнера не было, обходился простым девятизарядным «симуром». Савелевую рукоятку украшала элегантная золотая табличка с гравировкой. *«Дорогому соратнику 38.57 в знак признательности за счастье личного знакомства от сослуживцев крумского отдела»* – гласила надпись. Имен на табличке указано не было – контрразведчикам не положено, только идентификационный номер. Его, агарда Тапри, личный номер!

Дрожащим голосом пролепетал он слова благодарности, форгард Сорвы ещё раз крепко пожал ему руки, просил «не забывать верных старых сослуживцев» и откланялся – его ждала машина. А Тапри долго ещё стоял на месте с приоткрытым ртом, пытаясь понять, что это творится с окружающим миром.

Зато сопровождавший его регард всё понимал прекрасно.

– Что, забегали? – усмехнулся он. – Засуетились? А прежде, небось, гнобили почём зря? Ну, теперь замаливать грехи будут, голодным не останешься, парень!

Тапри не знал, как надо ответить, и отдал ему половину пайка. Регард долго отнекивался, потом взял: «Детям снесу. Пятеро их у меня».

С цергардом Эйнером новоиспечённый адъютант в первые дни виделся редко:

– Осваивайтесь пока. Изучайте обстановку. К непосредственной службе приступите после восьмого числа.

Срок показался Тапри отдалённым, он не привык по целой неделе оставаться без дела. Рискнул спросить:

– А как же вы эти дни будете без адъютанта, господин Верховный цергард? – ему казалось, лицо такой невероятной важности не может ни минуты оставаться одно, ведь должен же кто-то предавать его распоряжения, исполнять приказы, вести бумаги? Даже самый великий человек не в состоянии управлять государственной машиной в одиночку, без подручных!

– Не беспокойтесь, – был ответ. – Мне не впервой. Ваш предшественник в этой должности был шпионом, я старался как можно реже прибегать к его услугам. Надеюсь, с вами всё будет иначе.

Тут старшему агарду Тапри следовало бы щёлкнуть каблуком, преданно сверкнуть глазами и проорать по-молодецки: «Надеюсь оправдать ваше доверие во славу Отечества, господин Верховный цергард!» Но он вместо этого изумлённо вытаращил глаза и прошептал с ужасом:

– Как?! Настоящий шпион?! Квандорский?! Прямо в Генеральном штабе?!

За такую постановку вопроса цергарду Эйнеру следовало бы вышвырнуть горе-адъютанта не только с должности, но из контрразведки вообще, отправить на северный фронт, долбить окопы в мерзлоте – так считал сам Тапри. Но вместо этого Верховный только усмехнулся и возразил:

– Нет, не квандорский, конечно. Это был шпион цергарда Репра.

– П...простите?! – хрипло пробормотал агард, чувствуя, что привычная реальность опять расплывается. Наверное, вид у него был такой идиотский, что цергард весело рассмеялся.

– Да ладно, не берите в голову! Позже во всём разберётесь. У нас здесь своя специфика отношений. Вы уже выправили наружные пропуска?

Агард молча кивнул – к нему ещё не вернулся голос.

– Прекрасно. Тогда возьмите мою машину, отправляйтесь в университетский госпиталь, найдите эргарда Верена. Скажете, я прислал, он ждёт. Пусть возьмёт у вас анализы.

Адъютант щёлкнул каблуком, и отправился выполнять первое поручение.

И провалил его с позором!

Потому как «анализы» эти оказались столь деликатного рода, что сдать их у Тапри не получилось, сколько он ни старался. Слишком много событий случилось в последние дни, слишком много других эмоций переполняли его душу.

– Да ладно, не бери в голову, – хлопнул его по плечу эргард, худой и бледный молодой человек, лицом похожий на рыбу, а манерой выражаться – на цергарда Эйнера, – в другой раз зайдёшь. Не к спеху. Начальнику привет.

Привет Тапри передать не осмелился. Вся обратную дорогу он мучительно подбирал слова, чтобы дожить цергарду о неудаче, и ему казалось, будто новый шофер, взятый на место убитого, поглядывает на него косо, с усмешкой. Хотя тот, конечно, не мог ни о чём знать. Да и глядеть по сторонам у него не было возможности – ночью случился «облегчённый» налёт. Невидимые для радаров фанерные «хадры» набарских смертников не способны нести тяжёлые авиабомбы – лишь самые лёгкие снаряды, зажигательные либо осколочные, больших завалов они не оставляют. Но местами на проезжей части зияли свежие воронки, нужно было внимательно следить, чтобы не провалиться.

Переживал Тапри зря, доклада от него не потребовали. Похоже, цергард уже сам всё знал, и, не дав раскрыть рта, отослал в секретную часть, изучать шифры. За этой наукой он и просидел четыре дня без малого, и с цергардом они сталкивались лишь по вечерам, перед сном. К немалому смущению Тапри, оказалось, что не в казарме, и даже не в офицерском общежитии должны квартировать адъютанты его уровня, а при апартаментах непосредственного начальника.

Конечно, апартаменты цергарда Эйнера были огромны – целых четыре комнаты, так что адъютанту выделялась отдельная, небольшая, от входа сразу направо, с собственным дверным замком. Но получалось, что санузел был общий на двоих. И это в голове Тапри не укладывалось: как же можно – в один туалет с таким большим начальством?! Поэтому первое время по утрам он наладился бегать для гигиенических процедур в казармы – всего-то три этажа вниз. Пока цергард Эйнер этого не заметил.

– И где же это вы бродили с утра пораньше? – осведомился они иронией, встретив адъютанта на пороге.

Отпираться было бесполезно – в руках агард держал полотенце, мыльницу и рулончик серой бумаги. Пришлось доложить.

– В казармы? – удивился цергард. – А что так близко? На въезде в город, видели, блок-пост? При нём недавно построили отличный сортир – такая будочка с дыркой, гоните уж сразу туда, чего мелочиться?

– Есть – туда! – пробормотал сбитый с толку Тапри.

Тогда цергард приказал ему перестать валять драка, потому что он не может часами ожидать, пока его адъютант воротится из своих «туалетных походов». Пришлось подчиниться. Но всё равно, это было неправильно, и агард переживал.

Но если не принимать в расчёт мелочи подобного рода, новая жизнь была прекрасной. Никогда прежде у Тапри не было отдельной комнаты – в лучшем случае, койка, если не место на общих казарменных нарах. И кроме удобной кровати с полосатым одеялом и без клопов,

в ней стояла другая красивая мебель: тумбочка, шкаф для личных вещей, узкий блестящий стол, мягкий стул и чёрный, под цвет топи, оружейный ящик – единственная привычная глазу деталь.

Конечно, сам бы он не осмелился, но цергард провёл его и по другим комнатам – показать, где что лежит, «чтобы знал, откуда взять, если надо будет принести». И Тапри снова был огорчён, ему казалось, не так должны жить Верховные цергарды. Однажды в детстве, листая запрещённую книгу о имперских временах, он наткнулся на подробное описание личных покоев арингородского правителя Брагара Браг-ата Седьмого. Если честно, к чтению юный Тапри, выросший в сиротском доме, особого пристрастия не питал – не приучен был. Но от тех пяти страниц оторваться не мог, перечитывал снова и снова, пока не выучил почти наизусть. Картинок в книге не было, некоторых слов он просто не знал – к примеру, что такое кровать с расшитым *балдахин*ом, шёлковые *шпалеры*, и тяжёлые *гардины* с широкими *фалдами*. Он догадывался, что «роскошная хрустальная *люстра*» – это не подвесная деталь дальноточного понтонного орудия класса «логр», а что-то совсем другое, неизмеримо более прекрасное, но что именно – не представлял. Для него так и осталось загадкой, каким образом шкаф может быть стеклянным, и зачем прямо посреди комнаты нужен пруд с радужными рыбками – афириками. И если бы упомянутый Брагар Седьмой каким-то чудом смог увидеть ту обстановку, что нарисовал в своём воображении маленький бездомный мутант, он, пожалуй, и распорядился бы поселить в ней второго помощника младшего придворного садовника, но только если бы тот попал в немилость. Однако Тапри от прочитанного был в полном восторге, и не сомневался – Верховные цергарды живут именно так, если не лучше. Императоры народную кровь пили, цергарды проливали за народ свою, значит, заслужили, и достойны всяческих благ. Естественно, с возрастом он стал менее наивен, понял, что никто из Совета не позволит себе купаться в имперской роскоши, наживаться за счёт бедствующего народа в страшное военное время. И всё-таки в воображении нет-нет, да и возникал какой-нибудь «балдахин».

Реальность же, увы, оказалась прозаической. Не нашлось в апартаментах цергарда Эйнера ничего такого, в чём можно было бы заподозрить таинственные «гардины» или, к примеру, «консоли». И мебель стояла хоть и дорогая, из настоящего дерева, но ничуть не лучше, чем в адъютантской. Несколько скрашивали общее впечатление светильник на высокой ножке, очень толстый ковёр тёмно-малинового цвета – наступать на него агард не решался, чтобы не запачкать, и кровать, широкая, как многоместные нары. Обычно цергард Эйнер падал поперёк неё, лицом в подушку, и спал всю ночь не по-человечески. Кровати не должны быть такими огромными, ни к чему это, думал про себя Тапри.

Кроме спального помещения, кабинета с книжными полками и письменным столом, и адъютантской, имелась в жилище цергарда ещё одна комната, он ей вообще не пользовался, и мебели там почти не держал, и старался не заходить без особой нужды. В ней находилась стена памяти. Центр стены занимал огромный, в рост, портрет цергарда Регана, так искусно написанный жировыми красками, что ни с какой фотографией не сравнишь. Возникало полное впечатление, будто это и не картина вовсе, а дверь в соседнее помещение, и в проёме её стоит настоящий, живой человек, готовый в любую секунду шагнуть вам навстречу, разорвав тонкий шёлк серых траурных лент. Тапри даже попятился от неожиданности, увидев портрет впервые. Мимо внимания цергарда Эйнера это его движение не прошло.

– Правда, жутко? – спросил он.

«Правда!» – от души согласился Тапри про себя, но подтвердить вслух было неловко, ведь речь шла не просто о картине, а о героически погибшем Верховном цергарде. Поэтому он только и пробормотал еле слышно:

– Не знаю.

– Ужасно! – сказал цергард Эйнер с большой убеждёностью. – Пойдём отсюда!

И плотно затворил дверь.

Только на другой день, воспользовавшись отсутствием начальника, Тапри ещё раз зашёл посмотреть на страшный портрет – сам не знал, зачем, будто тянуло что-то, – и заметил сбоку от него, почти в самом углу, маленькую чёрно-белую карточку. На ней, на фоне кирпичной стены, стояли в обнимку две девушки в санитарной форме, похожие друг на друга как две капли воды. Лица у них были тонкие и усталые, но они весело улыбались и махали рукой, выглядывая из-под серых бумажных полс. И Тапри вспомнилось вдруг, что вчера цергард Эйнер старался в тот угол не смотреть, отводил взгляд. Сделалось грустно.

... А что такое «люстра», он узнал-таки, буквально на следующий день! Об этом, как ни странно, позаботился лично цергард Эйнер.

– Вы уже побывали в зале Церемоний? – спросил он на бегу, и, не дожидаясь ответа, посоветовал. – Если нет – сходите обязательно! Там такая штука под потолком висит – закачаешься! Настоящая дворцовая люстра!

Агард воспринял совет как приказ, тут же побежал исполнять – и ахнул! Дух захватило от невероятного великолепия! Только теперь он понял разницу между скудным своим воображением и умопомрачительной действительностью имперского прошлого.

Эйнер был доволен, как сложилось дело с новым адъютантом. Вовремя он вспомнил про агарда из крумского отдела, хорошо, что тот не успел отбыть по месту приписки. Парень был удобен во всех отношениях. Уже имеет опыт службы в контрразведке, но молод годами – проще будет им командовать, неприятно гонять с поручениями человека, старше тебя по возрасту. Сирота без роду-племени – случись что, не смогут шантажировать роднёй. В бою не жалеет собственной жизни, готов идти на жертвы. А главное – из *своих*. Такой не продаст и не предаст. И шпионить на *людей* не станет. Неизвестно пока, насколько умен, но и без того достоинств хватает. Просто подарок судьбы!

В общем, с адъютантом всё было прекрасно. С пришельцами – гораздо хуже, они упорно молчали и вынуждали идти на крайние меры.

Первого из них взяли ещё в конце осени. Замечательный прибор с диапазоном частот вдвое больше прежнего поступил на испытания из лабораторий военного университета. Результат не заставил себя ждать. Трёх дней не прошло, как радисты запеленговали ультра-высокочастотный сигнал с территории, недавно захваченной Квандором. И сразу же – ответный, прямо из центра военной столицы! Человека взяли, и передатчик при нём – крошечное устройство размером меньше ладони! Потряслись уровнем развития квандорской инженерной мысли, а человека, на радостях, приволокли лично главе ведомства Внешней Безопасности, то бишь Верховному цергарду Эйнеру.

Он тогда сразу почувствовал – что-то не так с этим человеком. Что именно – сам не понимал, должно быть, сработало то особое *чутьё* контрразведчика, на которое некогда любил уповать цергард Реган, и в которое сын его почти не верил, считая «шпионскими предрассудками».

Документы у человека – Дором Зур-ат его звали – находились в *полнейшем* порядке. Квандорские службы умеют изготавливать фальшивые бланки отменного качества, этого у них не отнять. Но *эти* фальшивками не были. В отличие от сведений, в них занесённых. Не существовало в Аринграде гражданина по имени Дором Зур-ат, это выяснилось очень легко, по линии службы регистрации и приписки. Не оканчивал он школы в Смире, не регистрировался в списках беженцев, не служил в семнадцатой воздушной дивизии...

Из ниоткуда возникают только шпионы. Но этот человек и на шпиона не походил, вот что особенно странно! В разведках Квандора и Набара работали отличные специалисты. Эйнер много раз имел дело с вражескими агентами, все они были достойными противниками. «Человек ниоткуда» – так его стали называть условно – оказался совсем другого сорта. Держался он с неизменным мужеством, и только. В остальном был непрофессионален до крайности, будто

взяли человека с улицы, без подготовки, и уговорили поиграть в шпионов. Путался в сведениях личного плана, путался в церанграфии, в событиях и датах. Самые обычные, повседневные вещи, похоже, удивляли его. Охрана заметила, с каким любопытством он изучал набивку матраса в своей камере – будто впервые в жизни увидел спуровое волокно! Спросили, в чём дело, зачем он там копается – ответил: «Проверяю, нет ли *клещей*»! Эйнер был абсолютно убеждён: любому, даже самому слабоумному уроженцу Квандора или Набара с младенческих лет известна разница между клещом и клопом. Только не агенту «Дорому»! Хотя, слабоумным он вовсе не был. Очень скоро сообразил, что несёт глупости, и вообще замолчал. Отказался отвечать на любые вопросы.

Из-за этого и случилась беда.

Чтобы разговорить его, решили использовать *вереган* – полезное вещество, подавляющее волю и самоконтроль допрашиваемых. И надо же было случиться, что последняя ампула кончилась накануне, а новую партию ожидали только через день. Подождать – чего было проще! Нет, не терпелось всем, и Эйнер не был исключением. Достал их уже к тому моменту «человек ниоткуда», до белого каления довёл! Придумали действовать дедовским методом – напоить кваттой; дорогой напиток прекрасно развязывал языки при неумеренном его употреблении.

Влили силой, преодолев бешеное сопротивление. «Дором» будто знал, что его ждёт. Реакция наступила мгновенно, словно не благородный напиток он принял, а яд невиданной силы. Один плоток – и нет человека! Разве такое возможно?

И озадаченный цергард велел оттащить тело в университетские лаборатории, старому другу Верену. Ответ последовал совсем уж неожиданный. Получалось, что агент Дором и не человек вовсе, а плод какой-то редкостной и невероятно сложной мутации, дотоле в природе не виданной... И всё бы ничего, мутация так мутация, вот только по документам, да и по внешнему виду, рождён он был задолго *до войны*!

Но даже тогда мысль о пришельцах ещё не приходила Эйнеру в голову. Он просто не знал, что думать, поэтому стал искать. И нашел, чёрт побери, и пришёл в ужас от собственной находки. Работали обычным методом – отслеживали контакты, проверяли документацию – и скоро выявили целую цепь. Уже на четвёртом её звене сомнений во внецерангской природе «шпионов» не осталось. И пошло дело! В одном только Арингораде удалось отловить десяток инопланетных тварей! А что делается в других странах? Поневоле задумаешься, не пора ли налаживать тайные связи с разведками врага, объединяться пред лицом угрозы извне?

Одно только и останавливало цергарда от этого сомнительного с государственной точки зрения шага: не был уверен, существует ли угроза в действительности? Здравый смысл подсказывал: разведка военная, даже если она имеет инопланетное происхождение, вряд ли станет держать в своих рядах таких паршивых, неподготовленных агентов. Только гражданские могут действовать настолько грубо, по-любительски. Учёные какие-нибудь. Или, допустим, миссионеры...

Так уж был воспитан Эйнер Рег-ат, и не было в том его вины, что всех, кто не носил погоны, он воспринимал как людей не совсем полноценных, и невольно переносил это снисходительное отношение на пришельцев. Версия насчёт благонамеренной высшей расы начинала казаться ему всё более убедительной.

Пока в его руках не оказался мнимый доктор Гвейран. О, эта тварь была совсем иного сорта! Это вам не чудаковатый Дором! По внешности, манерам, поведению – абсолютный, стопроцентный человек. Легенда – не придерёшься. В жилище – чисто. Только и есть, что две маленькие нестыковочки в документах двадцатилетней давности, и один роковой, совсем недавний контакт с «седьмым номером», упорно величающим себя Новорогом Вер-атом, хотя имени такого вовсе не существует, и в удостоверении личности прописано чёрным по белому: «Норвог». Эйнер на допросах смеялся ему в лицо: «Хоть бы собственное имя удосужился выучить! Самому эта комедия не надоела?» Тот лишь краснел шеей и талдычил своё: «Я лояль-

ный гражданин! Я арестован незаконно!» Стоило больших нервных усилий, не дать ему кулаком в квадратную, типично человеческую рожу. Вот почему, услышав похожую фразу от Гвейрана, Эйнер был разочарован и не хотел видеть его целых шесть дней.

Шесть дней никого из обитателей камеры 7/9 не вызывали на допрос. Про них будто забыли. Два раза в сутки лязгало маленькое окошечко, проделанное в железной двери, кто-то невидимый подавал миски с едой, которые требовалось быстро опорожнить и вернуть – вот и все контакты с внешним миром. Полная изоляция, даже телевизор перестал работать.

Гвейрана это не слишком опечалило, он его и дома нечасто включал – что толку, если показывают одну пропаганду и сводки с фронтов, наверняка сильно приукрашенные? Но земляне почему-то начали беситься. Женщины плакали, мужчины колотили кулаками в дверь и требовали вызвать начальство.

– Чего вам спокойно не сидится? – вызвал он к их здравому смыслу. – Это же обычная тактика контрразведки. Они игнорируют нас специально, чтобы вывести из душевного равновесия. Не надо поддаваться на их уловки, только и всего.

Его не хотели слушать. Он сидит слишком недолго, чтобы судить. А они здесь уже три (два, один) месяца, в безвестности, в изоляции, и больше просто не в состоянии выносить эту медленную мучительную пытку!

– Люди годами сидят, и ничего, – толковал он. – Полстраны сидит.

Люди?! Кого он, собственно, называет «людьми»? Дикарей-аборигенов, методично уничтожающих собственную планету? Конечно, отчего бы им не сидеть спокойно, если это заложено в их культурных традициях, если таковы нормы в их больного общества? Но мы-то с вами представители гуманистической цивилизации, и сравнивать нас с этими существами попросту некорректно! Вы же не допускаете мысли, что кто-то из нас станет, подобно местным, снимать одежду с трупов, или убивать этих несчастных мутантов-бронзоггов? Слишком мы разные, чтобы мерить одной меркой!

Что он мог на это возразить? Что приходилось ему и с мертвецов одеваться, и бронзоггов жечь огнемётами? Что в тот момент, когда тебя собираются сожрать заживо, о собственной цивилизованности и, тем паче, гуманизме, забываешь начисто? Или что несчастные существа, гибнущие от голода и непосильной работы в арестантских лагерях, отнюдь не воспринимают своё положение как дань собственным культурным традициям? Но был ли смысл в таких откровениях? Его не желали слушать, не желали понимать. Иногда людям Земли нравится чувствовать себя страдальцами, видно, такова их природа...

Отчуждение, возникшее с первых же минут, крепло с каждым днём. Нет, всё было очень цивилизованно и благопристойно, за рамки научных дискуссий их споры не выходили. Но общего языка найти не удавалось. Они *не понимали* друг друга. Они в самом деле были *чужими*. Только теперь Гвейран (так он сам о себе думал: «Гвейран», а не «Вацлав»!) начинал сознавать, какая пропасть отделила его от собственной родины – не тюремные стены, не чернота вселенной, нечто неизмеримо большее. Стал ли он полноценным церангаром за двадцать лет – судить трудно. Но настоящим землянином больше не был – это точно.

Хуже всего – он больше не знал, и долго не мог решить, чьи интересы важнее для него лично – благополучной далёкой Земли, или измученного, погибающего Церанга?

Когда же оно было приятно, это решение, он ни минуты не ощущал себя предателем.

... Через час после межвосходной трапезы в камеру зашёл широкоплечий офицер в звании регарда, осведомился, нет ли больных. На него набросились с вопросами, суть которых сводилась к одному: «долго ли это будет продолжаться?»

Регард выслушал их возмущенные выкрики очень спокойно, и так же спокойно объяснил. На допросы никого из них, кроме задержанного Гвейрана, больше водить не будут. Господин Верховный цергард Эйнер желает говорить только с ним, потому что остальные слишком

глупы от природы и к нормальному человеческому общению не приспособлены. В отличие от них, задержанный Гвейран не производит впечатление существа слабоумного. Но опыт подсказывает господину Верховному цергарду, что он принадлежит к той категории допрашиваемых, которых не пугают страдания физические. А потому, если он продолжит упорствовать в молчании, соплеменники его подвергнутся жестоким пыткам у него на глазах, и все муки, а возможно, и смерть бедных безмозглых тварей, останутся на его совести. Выбор за ним.

Человека, землянина Стаднецкого подобная дикость должна была ввергнуть в негодование. Церангару Гвейрану стало забавно. Его почти восхитила изобретательность палача: надо же такое придумать – «бедные безмозглые твари»! И он, Гвейран, будет, видите ли, «виновным в их смерти»!

Он так прямо и спросил, едва перешагнув порог знакомого кабинета:

– Вы это серьёзно, насчёт их слабоумия?

– Нет, конечно, – лучезарно улыбнулся цергард, будто радуясь, что его шутку оценили по достоинству. – Мы отдаём себе отчёт, что имеем дело с высшим разумом. Мне просто хотелось вас позлить. Было так любопытно наблюдать ваши реакции, – он кивнул головой в сторону монитора, установленного с левого края стола. – Вы как зверушки в клетке, никогда не знаешь, чего выкинете в следующую минуту...

Гвейран вежливо улыбнулся в ответ. Он понял, что его продолжают злить, и обижаться не стал. «Пусть мальчик развлекается», – подумал снисходительно.

Но тот сделался серьёзен, люди в этом мире не умели веселиться подолгу.

– Сейчас я буду говорить, а вы слушайте, – велел он. – Потом я дам вам время на размышление. До завтрашнего дня, к примеру. И если вы не примете нужного решения – ваши соплеменники пострадают. Договорились?

Гвейран кивнул – а что ему ещё оставалось?

Цергард говорил долго. Он рассказал всё. Как был вычислен первый из их группы, и как он погиб. Как ловили остальных, и какая слабая была у них конспирация – «даже стыдно!» Как в них впервые заподозрили пришельцев, и как долго не хотели этому верить, всё искали «рациональное объяснение» многочисленным странностям, но так и не нашли. Как страшно, страшно до жути стало потом, когда пришлось поверить. Он предъявлял конфискованные вещи, и Гвейран зубами скрипел от злости, потому специально ведь объясняли на вводном инструктаже, какие предметы можно держать при себе, какие нельзя, и надо совершенно не иметь мозгов, чтобы протащить на планету класса «С» голографический портрет любимой жены на фоне лунных кратеров или микролазерный депилятор, или макролазерный резак! Он показывал распечатки разговоров, записанных в камере – земные слова Церангскими знаками, и некоторые уже с переводом – и убийственные результаты биологических анализов. Он делился собственными размышлениями о космических захватчиках и благодетелях – сам понимал, как они наивны, но не боялся показаться смешным. «Нет смысла отрицать вашу внецерангскую природу, – внушал он, – она нам очевидна, это давно доказанный факт. Возможно, у вас есть свои причины хранить молчание, это мы можем понять. Но пора, по крайней мере, перекатить изображать из себя «лояльных граждан Арингорада», потому что это уже наводит на мысли о клиническом идиотизме!»

Гвейран слушал, и только вздыхал в ответ. Он и сам понимал сколь бессмысленно их глупое сопротивление очевидному, и давно бы его прекратил, если бы не инструкция 163/15, которая гласила очень чётко: принадлежность к инопланетной цивилизации наблюдатели обязаны отрицать при любых условиях. Потому что признание данного факта – это уже *контакт*, для которого требуется отдельное правительственное решение и специальные полномочия. Все существующие инструкции Гвейран, исходя из жизненного опыта, делил для себя на три категории. Первые, которые затем только и созданы, чтобы их нарушать. Вторые, которые лучше бы не нарушать, но если очень хочется, то можно. И, наконец, третьи – их нарушать не следует,

потому что себе дороже выйдет. 163/15 относилась к последней категории, и несоблюдение её приравнивалось едва ли не к уголовному преступлению. И он молчал.

– Ваши соплеменники – изнеженные, не привыкшие к лишениям существа, («И это заметили!») они не выдержат пыток, сломаются. Рано или поздно, кто-то заговорит. Зачем доводить дело до крайности? – цергард был очень убедителен, и Гвейран разозлился. Обидно стало за свой народ – хорошенькое же мнение сложилось о нём у властей Церанга!

– Ну, это ещё бабка надвое сказала, сломаются, или нет! – бросил он резко, уже не стесняясь идиомы, которая в языке Арингорада отсутствовала и даже не имела аналогов.

– КТО?!! – цергард Эйнер вдруг подскочил в своём кресле, воззрился на Гвейрана, будто выходя с того света встретил. – Кто сказал?!!

– Бабка... – неуверенно пробормотал «доктор», озадаченный столь бурной реакцией.

– Ну, точно!!! – контрразведчик вскинул на него свои красивые серые глаза, но теперь они смотрели не безразлично-устало, а оживлённо, почти радостно. – А я всё думал! Мне всё казалось, где-то я вас видел?!! Восемьдесят третий год, Набарский фронт, юго-восточное направление! Мы с вами вместе бежали из плена! Ну, вспомните!!! Это были вы, ведь правда?!! Неужели вы забыли?!!

Нет, он не забыл. Такое не забывают, хотя и вспоминать не хотят.

... Его призвали в восемьдесят первом году, не смотря на мастерски состряпанную бронь. Тогда призывали всех, даже немощных стариков и школьников-подростков: «на мясо согдятся». И он пошёл – куда было деваться, если дезертиров ловили и расстреливали на месте без суда и следствия. В тот страшный год погибло немало землян – почти весь первый состав Арингородской группы. Сергей Даверкин утонул в болотах Тары вместе со своим танком. Тойво Аккинен, бывший однокурсник, только и успел передать на базу: «Горим!» – а что, где – неизвестно. Убеждённого пацифиста Ферже – ну, не мог он идти на фронт, не мог причинить боль живому существу! – расстреляли на улице как дезертира. Банецкий и Смолл решили эвакуироваться, но не смогли пробиться к челноку, сгинули где-то по дороге... А Стаднецкому повезло, он выжил. Не без участия того, кто, годы спустя, стал виновником сокрушительного провала секретной наблюдательной группы Земли на Церанге.

Началось с того, что утонул полевой лазарет № 34. Ушёл в топь ночью, вскоре после массированного артобстрела их позиций из дальнобойных тяжёлых орудий. Никто не надеялся выжить в нём, снаряды рвались вокруг – и чудесным образом ни один не попал в цель! Но что-то разрушилось, сместилось в хрупком поверхностном слое от их ударов – и большой блок тверди просел, ухнул в одно мгновение, увлёк в бездонную черноту добрых три сотни жизней. Не спасся никто, за исключением полевого хирурга, регарда Гвейрана. А всё потому, что наблюдателю Стаднецкому потребовалось раздобыть уникальный образец мутации. Он приметил его ещё днём, когда проезжал мимо, возвращаясь из окружного госпиталя – раскидистый, неопрятный куст рос в трёхстах метрах от госпитальных шатров. По форме кроны – обычный многоствольный аснар, идущий на корм скоту. Удивительными были листья – раза в четыре крупнее обычных, они напоминали вздутую грязно-бурую подушку, оснащённую по краям короткими щупальцеподобными выростами.

Попав на фронт, Гвейран почти забыл о земном своём происхождении и «основной работе». Когда голод, и гнус, и нет лекарств, и сутки напролёт только и делаешь, что режешь и режешь изорванную, изувеченную, гниющую заживо плоть, а она всё прибывает и прибывает – тут не до научных изысканий. Должно быть, в округе росло много чего интересного, потому что счётчики Воркра пищали как сумасшедшие, и ни одна животная тварь, кроме летучего гнуса и удивительно устойчивых к радиации людей Церанга, выживать в здешних условиях не могла. Даже вездесущие жёлтые жабы не квакали по периметрам провалов, и под одеждой у раненых, тех, что приносили с болот, не находили ни одной пиявки. Должно быть, для биолога, изучающего мутации флоры, тут было раздолье. Но регарду Гвейрану тогда стало наплевать

на профессиональные интересы наблюдателя Стаднецкого. Все мысли были лишь об одном: как бы выжить и не спать.

Почему именно тот куст привлёк его особое внимание, Гвейран не знал, наверное, то была Судьба, в которую почти никто не верит, ни на Церанге, ни на Земле, или промысел Создателей, в которых тоже престали верить. Так или иначе, он решил непременно взять образцы тканей удивительного растения, и если не обработать сразу, то припасти до лучших времён. Однако, сделать это было не так просто – окружающие сильно удивились бы, застав полевого хирурга лазаящим по окрестным кустам под обстрелом. И он решил пойти ночью, когда будет меньше посторонних взглядов. И пошёл.

Дальше всё случилось у него на глазах. Вернее, *почти*.

Стояла чудесная, удивительно мирная ночь начала месяца трен. По-весеннему светлая, она казалась особенно тихой после ошеломляющего грохота дневного обстрела. Даже гнус, прибитый к тверди лёгким заморозком, не зудел в ушах. В воздухе как всегда пахло сыростью, но не летней, гнилой и затхлой, а свежей, талой. Дага, никогда не заходящая в этих широтах, висела яркой точкой с края неба, и круглое жёлтое гало её напоминало родную Луну. В голове от такой идиллии всплывали обрывки старинных, в совсем другой жизни услышанных песен: о белых ночах, о весне, о усталых солдатах, которым мешают спать соловьиные трели... И жизнь была бы совсем замечательной, если бы ещё не так сильно хотелось жрать...

Вдохновленный и расслабленный, Гвейран приблизился к кусту. Достал нож, чтобы срезать ветку... как вдруг услышал за спиной громкий хлюпающий звук – будто кто-то выдернул гигантский резиновый сапог, увязший в трясине. Он обернулся, не от испуга, и не из любопытства даже – чисто машинально. И не увидел ни-че-го. В буквальном смысле слова. Лазарет исчез, будто его и не было никогда – операционных шатёр, три перевязочных, десять больших палаток на тридцать лежачих мест каждая, полевая кухня, бортовой «сквар» для транспортировки раненых в тыл. Ничего не осталось, ни намёка, ни следа. Только свежее чёрное окно трясины отмечало то место, где ему, Гвейрану, полагалось находиться в данный момент.

Он многое, многое успел повидать в своей инопланетной жизни, но с таким кошмаром ещё не сталкивался. Разум отказывался верить случившемуся, таким диким и невозможным оно казалось. До утра Гвейран просидел под кустом – он почему-то вообразил, будто спит и должен проснуться, тогда всё будет как прежде. К первому рассвету иллюзии рассеялись. Пришла боль утраты. Там, в госпитале, оставались безразличные ему люди – он давно перестал делить своих друзей на землян и церангаров.

А потом пригреб Акаранг, гнус поднялся с болот, и стало ясно, что надо как-то действовать, пока не сожрали заживо. Побёрл к северу наугад, по бездорожью, рискуя провалиться в воронку или увязнуть в трясине.

На набарскую разветку нарвался часа через полтора. Сопротивляться не мог, при себе у него не только автомата, даже дежурного офицерского «симур» не было. Взяли, как говорится, тёпленьким. Думал, прикончат сразу, но им нужен был «язык». Дальше был долгий переход, мучительный в равной мере и для разведчиков, и для пленника их. На втором закате вышли к какой-то высоте, местность была Гвейрану незнакомой, сориентироваться в пространстве он не мог.

Здесь, на невысоком каменистом плато, располагался вражеский штаб.

Допрос был жестоким, но если бы он даже захотел – что мог рассказать, какие тайны выдать? Расположение утонувшего лазарета?

В кармане куртки имелось удостоверение, подтверждающее медицинскую должность пленника – здесь, при штабе, его было кому прочесть. (Разведчики, судя по всему, арингорадского не знали, крутили-крутили бумажку, но так и не поняли своего просчёта. И хорошо, а то пристрелили бы непременно, на месте, чтобы не таскать через топи бесполезный груз.) Про-

чли. Еще раз основательно избили, видно, с досады. Но убивать снова не стали, решив, что военный хирург – пресона достаточно важная, и может пригодиться при обмене пленными.

Шагах в двадцати от штабного шатра, прямо в камне был выдолблен неглубокий, метра два с половиной – три, погреб, зарешённый сверху. Туда-то Гвейрана и бросили, спихнули так, что чудом шею не свернул. Первую минуту он мало что видел вокруг себя, оглушённый ударом падения, а потом понял, что находится в яме не один.

Рядом, привалившись к стене, сидел подросток-мутант лет пятнадцати, в болотном камуфляже. У него было тонкое бледное лицо, перепачканное подсохшей кровью. Светлые волосы слиплись на лбу бурыми сосульками. Кисть левой руки была обмотана тряпкой, в которой при ближайшем рассмотрении можно было признать нижнюю форменную рубашку.

– Здравия желаю, господин регард! Младший агард Эйнер к вашим услугам! – отрапортовал мальчик, сделав вид, будто встаёт, чтобы приветствовать старшего офицера как положено по уставу, но так и не встал. Только прибавил очень искренне, от души, – Как же хорошо, что вы здесь оказались! – потом понял, что сморозил глупость, смутился и прошептал, – Извините...

В общем, и по виду, и по поведению его было ясно: никаких «услуг» от младшего агарда, чьё имя тут же вылетело у Гвейрана из головы, старшему офицеру в ближайшее время ждать не приходится.

Взяли его в разведке – «так неудачно сходили!» В яме держали уже несколько дней, зачем – непонятно. На младшие чины правила обмена военнопленными не распространяются. Никакими мало-мальски ценными сведениями он располагать не мог, по той же причине – званием не вышел.

– Вот, все ногти мне вчера содрали, плоскозубцами, – пожаловался он Гвейрану, кивнув на перемотанную руку. – А что толку? Может, они в наших званиях не разбираются? Думают, я очень важная персона? – в голосе его не было ни страха, ни боли, лишь лёгкая обида.

Гвейран тогда лишь усмехнулся на это. Набарцам не нужно было разбираться в званиях, чтобы понимать: существо столь юное важной персоной быть никак не может.

– Другой раз я им просто навру что-нибудь, – поделился идеей мальчик. – Всё равно проверить нельзя.

– А вот этого делать не надо, – запретил регард. – Они решат, что сломали тебя, и станут принуждать работать на их разведку. Выйдет только хуже.

– Точно! Как я сам не подумал! – серьёзно кивнул агард, и посмотрел на Гвейрана с уважением.

Дней двадцать они провели в яме бок о бок, их не допрашивали и почти не кормили. Вода была только та, что с неба. Отчаянно мёрзли по ночам. У агарда нагноились раны на пальцах, начался жар. Во сне он беззвучно плакал на коленях Гвейрана, проснувшись, вёл себя безупречно – ни стоны, ни жалобы. Гвейран не надеялся, что «дитя болот» выживет, но тому постепенно становилось лучше. За это время они успели привыкнуть друг к другу. Дружбой их отношения вряд ли можно было назвать, дружба предполагает хотя бы минимальную общность интересов. Просто они были друг другу нужны, чтобы выжить, и это объединяло.

Однажды агард, как всегда очень спокойно, почти безразлично, спросил:

– Мы умрём здесь, да?

– Ну, это ещё *бабка надвое сказала!* – ответил тот, чтобы успокоить. Не мог же он сказать правду.

Мальчик улыбнулся незнакомой фразе, она показалась ему чудной.

А на другой день он решил, что надо бежать.

Снова помог случай. От нечего делать, Гвейран перебирал пальцами каменное крошево на дне ямы. Вдруг что-то острое кольнуло в ладонь. Он потянул, вытащил. Это был кусок прочной проволоки, сантиметров двадцать длиной.

Младший агард был в восторге. Это то, что нужно больше всего! Это их ключ к спасению – в прямом смысле слова. Гвейрану только потом, задним числом пришёл в голову вопрос: где именно его товарищ по несчастью приобрёл полезный навык изготовления отмычек?

В ту же ночь, взгромоздившись на плечи сокамерника, юный мутант отомкнул замок, просунув через прутья решётки тонкие руки, каких не бывает у здоровых людей.

Полевой хирург Гвейран не был военным человеком, равно как и наблюдатель Стаднецкий. Кое-чему полезному его обучили при подготовке группы, но этого было недостаточно. Он не умел беззвучно снимать полусонных часовых голыми руками, добывать их же собственным оружием и находить заначки с едой. Не умел безошибочно ориентироваться в незнакомой местности по звёздам и светилам. Не умел различать состояние топи: в какое окно можно нырнуть с головой, чтобы скрыться от глаз врага, к какому даже приближаться, потому что засосёт немедленно...

Зато младший агард Эйнер – умел. И неловкость спутника его вовсе не удивляла, он и не ждал от него подобных свершений, делал всё сам. Ведь на то и нужны младшие чины, чтобы быть «к услугам» старших офицеров.

Как выходили они вдвоём из глубокого тыла (линия фронта успела откатиться на добрую сотню километров к югу, Аринград сдавал позиции), день за днём, через топи и хляби, через позиции врага – это отдельная история. Были моменты, когда надежда покидала, наступало отчаяние, но чудо случилось – они выжили и вышли.

А дальше их пути разошлись – иначе и быть не могло, по ту сторону фронта у каждого была своя жизнь. Но напоследок Гвейран получил от своего юного спутника очень полезный совет: никогда, ни под каким видом не рассказывать властям о том, что побывал в плену. Мало ли, что можно сочинить, чтобы оправдать отсутствие документов: сгорели, потерялись, украдены, был контужен и ничего не помнит... В наше время каких только бед не случается с людьми, всему поверят.

(К слову, сам младший агард Эйнер этому совету последовать не смог, за что и поплатился: свёл короткое знакомство с прибором под названием «разрядник Зарца» – цергард Реган был обязан убедиться, что сын его не завербован вражеской разведкой.)

Это было много лет назад. Не удивительно, что они не узнали друг друга сразу. Один был почти ребёнком, другой в те страшные дни на себя самого не походил от истощения и прочих лишений. Расставшись, они очень быстро забыли друг о друге, будто вычеркнув из памяти самые страшные воспоминания. Если бы не «бабка» – могли так и не вспомнить никогда...

– Надо же! – Эйнер Рег-ат удивлённо глядел в глаза своему пленнику. – А я тогда и не догадывался, что вы *пришелец*!

– А я – что ты будущий *Верховный цергард*! – улыбнулся Гвейран в ответ. И наплевать ему теперь было на инструкцию сто шестьдесят три дробь пятнадцать. Пусть Служба внешних отношений сочиняет какие угодно правила и инструкции, но он, регард медицинской службы Гвейран Лер-ат, не намерен больше выставлять себя идиотом перед старыми боевыми товарищами!

Давно была порвана нить, что связала их много лет назад, ничего не осталось от той короткой, вынужденной дружбы. Но теперь они, по крайней мере, не видели друг в друге *безусловного* врага.

Худшие опасения Эйнера не подтвердились: цивилизации Церанга пришельцы не угрожали. Но и надежды не сбылись: творить добро они тоже не собирались. Просто наблюдали. Изучали, не вмешиваясь. Наука ради науки. Контакт разумов мог состояться уже много лет назад – к тому дело шло. Помешала большая война, помешала Бомба – Земля не поддерживает отношений с агрессивными мирами. И во внутренние их дела не вмешивается. Принцип у них такой, у пришельцев, и значит, пользы от них ждать не приходится. Могли бы помочь, но не

станут. Потому что каждая цивилизация уникальна и должна пройти свой собственный путь, каким бы тяжёлым он ни был и куда бы ни вёл... Что ж, позиция не оригинальна. Отец тоже всегда учил его в детстве: «Нищим не подавай. Чем раньше подохнут, тем скорее отмучаются».

Но он и другому учил: «Порой единственный живой заложник полезнее разгромленной армии». Это именно цергард Реган настоял в своё время на издании и широком оглашении указа: заложников не выкупать, не отбивать, мало того, уничтожать в первую очередь. Тогда зарубежная пресса много кричала по этому поводу, обвиняла Арингорад в дикой жестокости по отношению к собственным гражданам. И что-то подсказывало цергарду Эйнеру: по этому большому вопросу представители высшего разума вряд ли разделяют взгляды его отца.

Гвейран уговаривал отпустить пленников не свободу под предлогом, что никакой опасности для Арингорада они не представляют – собирают научную информацию, и только. Эйнер отказался категорически. Угрозу несёт не информация сама по себе, а то, в чьи руки она попадёт.

– Скажите, вы абсолютно уверены, вы готовы гарантировать, что ваши власти говорят вам всю правду и не могут иметь никаких тайных планов?... – спросил он Гвейрана.

Тот хотел ответить утвердительно и поведать о прелестях демократии, но вспомнил строгих молчаливых людей из Службы внешних отношений, и решил промолчать. А цергард, пристально глядя ему в лицо, с еле заметной усмешкой, продолжал свою мысль:

– ...И знаете что? Боюсь, у меня самого появились *тайные планы* на ваш счёт.

Только тогда, на один короткий миг, Гвейран почувствовал-таки себя предателем интересов родины. Должно быть, собеседник уловил его настроение, потому что поспешил подсластить пилюлю:

– Зато теперь никого не будут пытаться. Разве плохо?

Очень хорошо, согласился Гвейран, просто чудесно. И решил не утомлять себя размышлениями о высших материях и отвлечённых идеалах.

* * *

Жизнь агарда Тапри постепенно вошла в новое русло. Теперь он находился при цергарде почти постоянно, исключая моменты, когда его отсылали с поручениями. Оказывается, враг гнездится повсюду, даже внутри Генерального штаба, и далеко не все сведения можно передавать по связи через коммуникатор, только из рук в руки.

Первое время изобилие шпионов ставило его в тупик. Познакомись с человеком, разговоришься – а потом подойдёт к тебе кто-то из *своих* и скажет: «Ты что, дурак? Разве не знаешь, это агент Репра (Кузара, Добана...)». И не то странно, что агент – в контрразведке служим, не где-нибудь, и не то, что на Репра работает. Удивительно, что шпионит он, оказывается, не за квандорским или набарским противником, а почему-то за другими цергардами, и за *своим* Эйнером в частности.

Прежде Совет цергардов представлялся Тапри одной большой, дружной семьёй, неусыпно и неустанно пекущейся о благе народа и Отечества, как мудрые отцы пекутся о будущем любимых детей. Недели не прошло, как счастливые иллюзии начали рассеиваться. Имелись, оказывается, у Верховных и другие заботы, развязный регард Хрит (тот самый, многодетный отец) определил их так: «Кто кого первой сожрёт».

Открытие было ужасным, лишало последних надежд. Но шок длился недолго: если нет справедливости в самой Жизни, почему она должна быть в Генштабе? Тапри решил для себя: есть он, есть цергард Эйнер, есть служба и тайная клятва – всё остальное его не касается. Хрит, с которым они успели близко сойтись – он опекал новичка, будто шестого сына, эту позицию одобрил. Свою же собственную он выражал так: «Я за *своего* кому хочешь глотку порву, потому что ещё отцу его присягал». Это был страшный человек – *специалист по особым поручениям*.

Из них ему особенно удавались «несчастные случаи на дорогах». Тапри сперва даже удивлялся, почему ему, человеку новому и случайному, о вещах тайных рассказывают так легко? Потом сообразил: вздумай он предать – и рука «специалиста» не дрогнет. Но жутковатый вывод не напугал и не огорчил юного адъютанта – ведь предавать он не собирался, так о чём же беспокоиться?

– Дурачок, – сказал ему на это Хрит. – Не забывай, есть ещё такая штука, как пыточная камера. Предавать никто сам не собирается – заставляют.

Значит, надо знать как можно меньше, понял он, и стал стараться ни во что не вникать, исполнять что велено, не задумываясь. Не потому, что его страшили пытки – боялся предать *помимо воли*.

(... – Мальчик не дурак, – докладывал регард Эйнеру. – На него можно положиться, – и добавлял просто так, шутки ради, – только бы пить не начал!

– Уж тут ты бы лучше за собой следил, дядька Хрит, – усмехался *свой* в ответ...)

Новая служба трудной не была: ни ночных рейдов, ни задержаний с протоколами и без оных. Подумаешь – шифровки по этажам разносить, исполнять мелкие поручения типа «подай-принеси». Зато паёк вдвое больше крумского. И самое главное – уважение от всякого. Хотя и состояли личные адъютанты Верховных в чинах небольших – с форгардами вели себя на равных. Не Тапри, конечно, он-то стеснялся, – старые, все как на подбор наглые и сытые. Как они умудрялись с одного пайка, пусть даже усиленного, наедать такие ряшки – загадка!

Всё здание Генштаба – четырнадцать уровней *по официальным данным* – было поделено на сектора и зоны, и чтобы пройти из одного в другой, требовались особые пропуска с печатями, бумаги о степени допуска, знание паролей. И были такие места, куда даже главам отделов и служб вход был закрыт. Одни только адъютанты Верховных могли всюду перемещаться беспрепятственно, бывать даже на тех уровнях, которых *не существовало вовсе*. Высшая степень допуска! Как у самих цергардов! И даже бумаг предъявлять не надо, тебя все должны знать в лицо. Это ли не вершина славы?! Первые дни Тапри чувствовал себя **ОЧЕНЬ ВАЖНОЙ ПЕРСОНОЙ**. Потом привык и перестал об этом думать, тем более что палка оказалась о двух концах. Однажды он пошёл с поручением, в один из дальних секторов. Шёл-шёл беспрепятственно, пока не понял, наконец, что забрёл совершенно не туда, и выбраться самостоятельно не может, равно как и объяснить, куда именно ему надо было – с непривычки вылетело из головы. Стыдно было – хоть в глаза людям не смотри! Не за себя, что опозорился. На это наплевать. Цергарда Эйнера подвёл – вот что плохо! Взял, скажут, себе в адъютанты деревенского дурака, видно, долго подыскивал!

...Одной из обязанностей адъютанта было сопровождение цергарда в *рабочих поездках*. Под этим определением здесь понимали выходы власти в народ: встречи с солдатами, рабочими на заводах и в лагерях, посещение воспитательных домов... Мероприятия эти цергард Эйнер не любил страшно, потому что «чувствовал себя идиотом» и красивых слов говорить не умел. Но видно, и Верховные не всегда вольны в своих действиях – приходилось ездить.

Особенно запомнилось Тапри посещение военного госпиталя при университете, того самого, где он недавно опозорился с анализами. Накануне туда пришёл огромный эшелон с ранеными, и Совет решил, что надо поднять их боевой дух. Поехали целой колонной: цергард Доронаг, глава медицинского ведомства, цергард Азра – Главнокомандующий фронтами, Сварна, ведающий пропагандой, плюс машины сопровождения...

– Я то вам зачем? – бесился цергард Эйнер. – Втроём, что ли, не справитесь? Можно подумать, не в госпиталь – в рейд по тылам противника собрались!

– Сейчас в строю стало много *ваших*, – увещевал Сварна, подразумевая «детей болот». – Будет полезно, если с ними встретишься именно ты.

«В гробу они меня видели!» – яростно огрызнулся тот. Но Тапри не мог с ним согласиться. Потому что для каждого человека большое счастье и честь – встретиться с САМИМ

Верховным, этим потом гордятся, и друзьям, и детям рассказывают. И для любого из «наших» особенно важно, чтобы цергард тоже был «наш».

Просто он, Тапри, в отличие от Эйнера, никогда не бывал на передовой, и не знал, как меняется сознание у тех, кто ежеминутно ходит под смертью.

Всю дорогу, короткую по расстоянию, но долгую из-за состояния проезжей части, цергард сидел злующий и жаловался вслух, что напоминает сам себе даму, которая щиплет корпию. Кто эта загадочная дама, что именно она щиплет и зачем, а главное, чего общего имеет с Верховными цергардами – этого Тапри, по скудости общего кругозора, не знал, а спросить не решался. Лишь помалкивал и сочувственно вздыхал.

Госпиталь оказался забит до отказа. Люди лежали повсюду. В палатах, в коридорах, во дворе на носилках и прямо на земле – ступить некуда было. Машины пришлось оставить за воротами.

Навстречу высоким гостям выскочила группа медиков, у них были серые усталые лица и заляпанные красным халаты. Один из них – Тапри его узнал – украдкой кивнул Эйнеру, оба незаметно отошли в сторонку.

– Какого чёрта вы притащились?! – донёсся до уха адъютанта свирепый шёпот. – И без вас тошно! Не видишь, что творится?! – он кивнул в сторону бетонного ограждения, и Тапри увидел: там, сложенные длинным высоким штабелем, лежали мёртвые тела. Десятки, а может и сотни, ничем не накрытые, все без верхней одежды, а кто уже и без нижней. Голые ноги, голые рёбра, распахнутые провалы ртов... Дикая и бесстыдная картина. «Мёртвые сраму не имут...» – пришло на ум что-то далёкое, неизвестно где и когда подхваченное...

– Ты меня спрашиваешь?! – зашипел Эйнер в ответ. – Думаешь, я не пытался остановить наших баранов? Если они упёрлись! Что мне было делать, фугасы на дорогах ставить?

– Ладно, прости, – смягчил тон эргард Верен, – забыл я про ваши тонкости... – и подтолкнул плечом. – Иди, смотри уже!

Цергарды сначала хотели далеко не ходить, повести мероприятие «прямо тут, на воздухе». Бессмысленно, объяснили им. Тем, кто оставлен во дворе, речи уже не помогут, им всем в ближайшее время перекочёвывать к ограждению. «Отсортированные», у которых есть шанс на выздоровление, лежат под крышей.

Они прошли внутрь – и у Тапри закружилась голова от смрада, ударившего в нос. Ему приходилось бывать в госпиталях, однажды в детстве и сам лежал, когда осколок снаряда попал в ногу. Там тоже было много раненых с передовой. И пахло, прямо скажем, не весенней свежестью. Но всё же не так жутко!

Цергард заметил удивление на позеленевшем лице адъютанта, шепнул на ухо:

– Дыши ртом. Это болотная гангрена. Сейчас поветрие на всех фронтах.

Агард послушался, стало чуть легче.

Доронаг и Сварна дышали в платочек.

Их провели в большое помещение с высоким потолком и школьной доской во всю стену. В лучшие времена оно служило лекционной аудиторией, теперь его приспособили под палату для легкораненых и несептических. Воздух здесь был легче, и обстановка напоминала действительно госпиталь, а не мертвецкую. Люди не лежали недвижимыми трупами – кто сидел, кто копошился как-то, ели, играли в карты, бранились. Чувствовалась жизнь.

Верховные повеселели, речи начались – привычные, обкатанные и гладкие: о долге и героизме, о преданности Отечеству, о том, что враг не пойдёт, о победах, которые ждут впереди, о жертвах народных, которые не напрасны, о павших товарищах, которых мы будем помнить... Тапри за свою недолгую жизнь сотни раз такие слышал, даже надоело, если честно.

Но сегодня он ловил знакомые слова, затаив дыхание, будто впервые. Потому что проносили их не школьные наставники, не районные агитаторы, и даже не господин форгард Сорвы. Из уст Верховных цергардов даже самые избитые фразы звучали по-новому... Каза-

лось, в них, будто в колдовских заклинаниях, сокрыта тайная сила, и если внимать с открытым сердцем, если верить и не сомневаться – всё обещанное непременно сбудется, и топь станет твердью...

Только люди вокруг почему-то не понимали этого, и слушать не хотели. Станный глухой звук, неоформленный гул зародился где-то в глубине толпы, обступившей кафедру. И чем красивее были слова, тем громче становился этот звук; сначала просто неприятный, он становился угрожающим. Медленно почти незаметно глазу, люди подтягивались к импровизированной сцене, обступали визитеров всё плотнее, роптали всё более откровенно. Им было наплевать, кто перед ними – они были *недовольны*. Целый огромный зал, несколько сот человек *недовольных*! «Это же сколько надо автозаков, чтобы забрать всех за раз?!» – мелькнула в голове Тапри дурацкая, шальная какая-то мысль...

Он бросил смятенный взгляд на цергарда Эйнера. Тот стоял чуть в стороне от остальных, небрежно оперившись о стену, и выражение лица его было таким насмешливым и презрительным, что в нём без слов читалось «Ну, что я вам говорил?!» Потом он переглянулся с эргардом Вереном, и тот, вытаращив рыбы свои глаза, сделал странный жест рукой – будто горло перерезал: типа, всё, конец. В ответ цергард покачал головой и отмахнулся: «обойдётся»...

Наблюдая за их беззвучными переговорами, Тапри отвлёкся, и прослушал, что именно говорил в этот момент цергард Азра. Он так и не узнал никогда, что за промах допустил командующий, и отчего толпа недовольных вдруг пришла в движение, начались гневные выкрики, понеслась площадная брань, и костыли в руках раненых вдруг превратились в дубинки, пока ещё не пущенные в ход, но уже готовые к бою. «Ой-ой! – мелькнула новая мысль, – пулемётов-то мы не прихватили! Как же без них теперь?!» Юный контрразведчик знал, как усмиряют толпу. Самый верный способ – дать очередь над головами, в девяти случаях из десяти этого оказывается достаточно. А если уж не помогло, тогда резать по ногам...

И снова он проглядел, не заметил, как от общей массы отделился, вылез вперёд один – широкоплечий темноволосый парень с левой рукой на перевязи и бинтом на голове, как-то по особому лихо сдвинутым на бок. Был он молод, старше самого Тапри года на три, не больше. И такой у него был отчаянно-бесшабашный вид, такой бешеный взгляд, что агард понял сразу: тут бы очередью над головой не обошлось.

– Назад! – взревел кто-то из охраны, но тронуть парня не решился, потому что вдохновлять на подвиги они сюда ехали, а не морды бить, да и с сотенной толпой не совладать десятерым, если та вконец озверевает.

А парню на окрик было наплевать, он и сам умел орать не хуже. И орал, подбадриваемый одобрителем гулом за спиной. И слова, что вылетали из его перекошенного рта вместе с брызгами слюны, были такими дикими и невозможными, что смысл их не сразу доходил до сознания Тапри.

– Да кто вы есть, чтобы говорить нам о долге?! – выкрикивал он, дёргая щекой, – Совет Верховных! Зажравшаяся тыловая сволочь! Это вы гоните нас на смерть, не Квандор с Набаром! Кровь нашу сосёте, как черные пиявки! Отечество! Где оно, Отечество наше? А я вам скажу! Гниёт в болоте, спасать уже нечего! Станет топь твердью, ста-а-нет! Вы её трупами нашими завалите, и жить будете на костях!..жрать и гадить... – люди ревели, и часть его речей тонула в шуме, не всё удавалось разобрать. – Из подвала командовать все гора-а-зды! А вы сами-то пороху нюхали, отцы-командиры, а? Как пули над ухом свистят, слышали, нет?! А без жратвы неделями в окопах сидели, так что она потом в глотку уже не шла, а?! Вы знаете, что такое война? А мы вам расскажем, расскажем!.. Да лучше под Набаром живым быть, чем под вами с голоду околевать!!!

«Ничего себе, настроения нынче на фронтах!» – присвистнул агард про себя. На офицерских курсах рассказывали, что когда-то давно, в страшные *первые годы*, пораженческие идеи

мира с южным соседом порой витали в прифронтовом воздухе. Но чтобы такое – и в наше время!!! Поверить невозможно!

...Трудно сказать, чем именно не приглянулся контуженому оратору цергард Эйнер. Может тем, что был много моложе троих остальных, и большинство его сверстников сейчас воевали? Или взгляд его серых глаз был слишком пренебрежительным, без тени страха, уже овладевающего его соратниками? А может, этот *здоровый* человек относился к числу ярых ненавистников «детей болот», каких немало было в арингородском обществе? Или же просто почувствовал в цергарде, стоявшем чуть в стороне, без кольца охранников, лёгкую жертву?

Так или иначе, он перешёл на личности. Подскочил, с размаху толкнул в плечо. И Тапри вздрогнул, сжался от чужой боли – он видел, как по утрам цергард выбрасывал в корзину грязные бинты... Эйнер устоял, благо, стена была за спиной, и от вскрика удержался, лишь зажмурился на мгновение, скрипнул зубами. Но выражения лица не изменил. Только побелело оно до синевы.

Толпа раненых ахнула – всё-таки это было слишком, этого не ждали. И стало тихо. Они поняли – дело зашло *слишком* далеко. Все, кроме одного. Парня в повязке не покидал воинственный раж.

– Ну, что молчишь, жаба! Отвечай людям, которые за тебя кровь проливали!

Цергард Эйнер оторвался от стены. Выпрямился, шагнул вперёд, заставив противника невольно попятиться. И в наступившей тишине, пристально глядя парню в глаза, спросил ровным, без тени эмоций голосом:

– Давно служишь, солдат?

– С осени, допустим! – бросил тот с вызовом. – И что с того?!

– Ах, с осени, – цергард говорил негромко, гораздо тише противника, но почему-то каждое его слово было слышно далеко и отчётливо. – По холодку, так? В окопах сидел? А в болотах ты не лежал на брюхе, день за днём, под таким обстрелом, что голову нельзя поднять, не то, что еду к позициям поднести? И гнус тебя не жрал заживо, и пиявки не заползали в задницу? А тонул хоть раз, так чтобы за волосы вытаскивали, тину пополам с чужой кровью глотал? Или может, ты знаешь, как пытаются в набарском плену? Нет? Тогда что ты можешь рассказать мне о войне, солдат? – он вскинул глаза к толпе, заговорил чуть громче, но всё так же спокойно. – Вам под Набаром жить захотелось, да? Вот когда вы, наконец, перестанете отступать, и вернёте назад наши земли, которые сдали врагу, спросите у тех, кого там бросили, как им жилось под Набаром. Только вряд ли они вам ответят. Потому что у тех немногих, что останутся в живых, будут вырваны языки. А мертвыми нашими там не топь заваливают – их скармливают свиньям, чтобы добро не пропадало. Такого мира вы хотите, люди Арингорода?

Люди молчали, опустив глаза. Не все воевали «с осени». Много было и тех, кто знал не понаслышке, о чём говорит цергард.

– Что касается крови, так мне твоя не нужна, не переживай. У меня своя есть.

Он поднял левую руку, поднёс к лицу парня, и медленно провёл указательным пальцем. Кровавая вертикальная полоса прошла через лоб к кончику носа – такие рисовали себе диверсанты-смертники из страшного «болотного трега». Парень отшатнулся, принялся с остервенением тереть лицо рукавом, словно желая поскорее избавиться от кровавой метки. Он хотел что-то сказать, но люди больше не смотрели на него. Они смотрели под ноги цергарда Эйнера – там красные капли уже начинали стекаться в лужицу.

– Пошли отсюда к чёрту! Надоело! – бросил цергард адъютанту.

И они ушли, не оборачиваясь, сквозь людской коридор.

И не слышали, как Верховный цергард Сварна ещё битых полчаса описывал притихшим солдатам боевые подвиги юного Эйнера Рег-ата, и по словам его выходило, что если и стоит до сих пор Федерация, и не поделили её между собой Квандор с Набаром, то исключительно

стараниями будущего цергарда. «Я же знаю, кого брать с собой на такие дела! А вы говорили, зачем он нужен!» – хвастался Сварна соратникам на обратном пути.

– Господин цергард, а что теперь будет с тем человеком, который орал больше всех? – неожиданно для себя спросил вдруг Тапри, когда они уже подъезжали к штабу.

– О, вот уж чего не знаю, того не знаю, – откликнулся тот, не задумываясь. – Теперь он будет проходить по ведомству Репра. Могут расстрелять за панические настроения и антиправительственную агитацию, а могут и простить, за то, что так ловко меня саданул. Репру это будет приятно, когда узнает. Не сам, так хоть кто-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.